

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.В.Антонов

ПРАВО
И ОБЩЕСТВО

в концепции
Георгия Давидовича Гурвича

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2013

УДК 336.334.4
ББК 60.56
А72

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *В.В. Лапаева*;
доктор юридических наук, профессор *И.Л. Честнов*;
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор *А.С. Туманова*

Научный редактор

доктор юридических наук, профессор *А.В. Поляков*

Антонов, М. В.
А72 Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича [Текст] / М. В. Антонов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 448 с. — 200 экз. — ISBN 978-5-7598-0959-3 (в обл.).

Книга посвящена творчеству знаменитого русско-французского правоведа XX века, одного из основоположников социологии права как научной дисциплины, Георгия Давидовича Гурвича (1894—1965). Взгляды мыслителя изложены в контексте его интеллектуальной биографии, что позволяет лучше понять перипетии развития мировоззрения ученого. Работа состоит из двух крупных блоков. В первом, аналитическом, освещается жизненный путь Гурвича, рассматриваются основные элементы его учения, анализируются концепции. Второй блок содержит произведения мыслителя, в том числе неизданные, ряд архивных биографических и эпистолярных материалов.

Для студентов и аспирантов, изучающих социологию, юриспруденцию, философию, преподавателей гуманитарных дисциплин, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей правовой мысли и желающих углубить свои представления о связи права и общества.

УДК 336.334.4
ББК 60.56

Научное издание

Антонов Михаил Валерьевич

Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Г.Е. Шерихова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *Л.В. Маликина*

Корректор *В.И. Каменева*

Подписано в печать 25.09.2013. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 36,4. Уч.-изд. л. 33,2
Тираж 200 экз. Изд. № 1488

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 661-15-52

ISBN 978-5-7598-0959-3

© Антонов М.В., 2013
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Часть первая. Эволюция научной позиции	11
I. Метафизический период творчества (до 1920 г.)	13
1. Начало творческого пути.....	13
2. Петербургский период и влияние революции 1917 г.....	27
II. Феноменологический период (1920–1941)	42
1. Первые годы эмиграции	42
2. Фихтеанство, феноменология и другие влияния немецкой философии	53
3. Влияния французской социально-политической мысли	73
III. Диалектический период (1941–1965).....	89
1. Развитие идей Гурвича в контексте американской социологии и правоведения	89
2. Программа интеграции научного знания	98
Часть вторая. Основные элементы научной позиции	107
I. Социологический аспект.....	109
1. Общая характеристика общества	109
2. Методология социальных наук	120
3. Концепция социального времени.....	128
II. Юридический аспект	146
1. Общая характеристика	146
2. Правовая онтология.....	154
3. Правовая гносеология	180
4. Правовая аксиология.....	191
Заключение	207
Приложение	213
1. Избранное из переписки Г.Д. Гурвича	215
Г.Д. Гурвич — В.Э. Грабарю	215
Г.Д. Гурвич — А.С. Яценко	218
Г.Д. Гурвич — К. Леону	219
Г.Д. Гурвич — П.Н. Милюкову	221
Г.Д. Гурвич — И.А. Бунину	223
Г.Д. Гурвич — М.В. Вишняку	224
Г.Д. Гурвич — П.Л. Леону	232
Г.Д. Гурвич — Ж. Валою	236
Г.Д. Гурвич — Ж. Сиро.....	238
Г.Д. Гурвич — М. Моссу.....	239

Г.Д. Гурвич — С.Л. и Т.С. Франк	241
Г.Д. Гурвич — М. Геру	245
Г.Д. Гурвич — М.А. Алданову	246
Г.Д. Гурвич — А.А. Гольденвейзеру	248
Г.Д. Гурвич — М.А. и Т.А. Осоргиным	256
Г.Д. Гурвич — Р. Паунду	259
Г.Д. Гурвич — Ж. Готману	266
Г.Д. Гурвич — Ж. Маритену	267
Г.Д. Гурвич — П.А. Сорокину	268
Г.Д. Гурвич — Ф. и П. Бродель	277
Г.Д. Гурвич — Р. Бастиду	280
2. Материалы из масонского досье Г.Д. Гурвича	285
Мнения членов ложи о Г.Д. Гурвиче	285
Письменное мнение Г.Д. Гурвича	295
По поводу доклада Г.Д. Гурвича о «Масонских впечатлениях»	296
Выход из состава ложи	298
Доклад Г.Д. Гурвича «О долге русских масонов»	299
Набросок доклада Г.Д. Гурвича «Будущность России»	302
3. Из опубликованных работ Г.Д. Гурвича	311
Мой интеллектуальный маршрут	311
Будущность демократии	324
Диалектический гиперэмпиризм и его применение в социологии	344
Социология права	362
Библиография	411
Именной указатель	438
Указатель источников архивных материалов	446

ВВЕДЕНИЕ

Социологическое направление является одним из ключевых подходов к пониманию и объяснению права в современном правоведении. Разумеется, современные социолого-правовые теории во многом опираются на те разработки, которые были осуществлены «основателями» этого направления в первой половине XX в. В их числе — русско-французский мыслитель Г.Д. Гурвич. Творчество Георгия Давидовича Гурвича (1894—1965) примечательно тем, что уже на первый взгляд в нем обнаруживается несколько аспектов. В интеллектуальном плане Гурвич, как и ряд его коллег по Петроградскому университету (Н.С. Тимашев, П.А. Сорокин и др.), прошел эволюцию от правоведения — через психологию и философию — к социологии; в плане методологическом его творчество оказывается разделенным на три этапа (метафизический, феноменологический и диалектический), условными водоразделами между которыми служат две мировые войны. Можно добавить, что Гурвич в разные периоды принадлежал к разным национальным научным школам: он сформировался как русский мыслитель и исследователь, оставался представителем русских академических кругов в период эмиграции в Германии и Чехословакии (1920—1925) и в первые годы проживания во Франции (до конца 1930-х годов). В последующем Гурвич позиционирует себя как французского социолога, постепенно отходит от деятельности русской эмиграции. Французская философская и социологическая мысль становится с 1930-х годов главным объектом исследований ученого, который считает свои теории продолжением именно французского социально-правового дискурса¹.

Такой синтез влияний разных культур очевидным образом сказался на формировании научных взглядов мыслителя, который — даже не всегда сознательно — стремился к нахождению синтеза, связующего звена между разными научными концепциями, традициями, дисциплинами. Термин «взаимодополняемость перспектив», введенный Гурвичем в современную ему социальную философию²,

---

¹ Гурвич рассматривает себя выразителем основной идеи французской социологии — идеи синтеза «отвлеченных начал» теоретического и практического подхода к социальной действительности (*Gurvitch G. La vocation de la sociologie française est de produire une jonction entre la sociologie théorique et la recherche empirique // Gurvitch G. Ecrits allemands. Paris: L'Harmattan, 2006. Vol. 3*). Хотя в такой идее скорее можно найти следы влияния русской философии Серебряного века, чем традиций школы Дюркгейма (*Antonov M. Georges Gurvitch et l'influence russe // Anamnèse. 2005. No. 1*).

² Несмотря на то что данный термин несколько ранее использовался немецким социологом Теодором Литтом, Гурвич настаивает на том, что термин «взаимодополняемость перспектив» был сформулирован им независимо от Литта, с опорой на идеи Лейбница (*Gurvitch G. Réponse à une critique. Lettre ouverte à Professeur L. von Wiese // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1952. No. 11. P. 96*).

вполне может характеризовать основную черту его собственной научной концепции, которую он небезосновательно рассматривал как плюралистическую. Именно благодаря этой черте творчество Гурвича привлекает особое внимание исследователей в контексте развития современного научного знания — знания, которое все дальше отходит от монистических установок и все более приближается к плюралистической «постклассической» научной парадигме³.

В этом смысле Гурвич стал одним из инициаторов пересмотра принципов классической рациональности в социологии и правоведении. Превосходный пример такого подхода представляют правовые взгляды мыслителя, особенно в исследованиях о социальном праве и юридическом опыте. Так, социальное право было задумано как научная концепция, способная объединить в рамках одной познавательной модели принципы нормативизма, психологизма, социологизма и юснатурализма, которые традиционно противопоставлялись друг другу⁴, а учение о юридическом опыте было призвано дать методологическое обоснование этому научному замыслу через интеграцию феноменологической, метафизической, позитивистской перспектив науки о праве⁵.

Творчество Гурвича можно разделить на метафизический (до начала 1920-х годов), феноменологический (с начала 1920-х до начала 1940-х годов) и диалектический (с начала 1940-х годов и до кончины мыслителя) периоды. Эта периодизация, равно как и любая другая, схематична и требует множества оговорок. Прежде всего, критерием является направленность исследований, но отнюдь не их методология. Последняя включает у Гурвича множество элементов различных, порой гетерогенных, научных концепций и по большому счету представляет собой баланс научных влияний, сказавшихся на формировании мировоззрения ученого. Гурвич никогда не порывал полностью с научной концепцией, оказавшей на него воздействие. Даже говоря о преодолении таких концепций, мыслитель оставлял им место не только в описании истории соответствующей научной дисциплины, не только в современной для него научной действительности, но и в собственном

---

³ См. об этом: *Графский В.Г.* Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3; *Поляков А.В.* Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003.

⁴ Интересно отметить, что такая интеграция мыслилась ученым в терминах русской религиозной философии как всеединство и соборность. См., в частности: Отчет о защите диссертации Г.Д. Гурвича (приложение к письму Г.Д. Гурвича М.В. Вишняку от 25 января 1932 г.) // Библиотека им. Лилли при Университете Индианы. Коллекция Т. Вишняк. Здесь и далее оригинальные названия зарубежных источников архивных материалов см. в Указателе источников архивных материалов: с. 446–448 настоящего издания. — *Примеч. ред.*

⁵ Такая позиция была охарактеризована современным Гурвичу французским юристом Ж. Бонказом как «юридический романтизм» — термин, который затем был применен к концепции Гурвича канадским правоведом Ж.-Ж. Беллеем, увидевшим в этой концепции бунт против тривиальности, против восприятия права лишь в функциональном аспекте (*Belley J.-G.* Deux journées dans la vie du droit: Georges Gurvitch et Ian R. Macneil // Normes juridiques et régulation sociale / F. Chazel, S. Commaille (éds). Paris: LGDJ, 1991. P. 112) и во имя понимания права не только как реализованной регулятивной системы, но и как проекта осуществления ценностей (*Ibid.*, p. 120).

научном мировоззрении⁶. Иными словами, преодоление теорий предшествующих авторов означало для Гурвича не гегелевское *Aufhebung*, не систематизацию «здоровых» элементов этих концепций в новом методологическом синтезе и в данном смысле вырывание элементов научных концепций из той культурной среды и научной парадигмы, которые эти концепции породили. Мыслитель предпочитал работать с научными концепциями в их целостности и, совершенствуя свою методологию, находить для них место в движении социальной мысли и в актуальной для современности проблематике.

Гурвич последовательно проводил эту линию, хотя и не всегда облакал ее в точные формулы, что вызывало порой заслуженную критику. Для примера можно взять центральный труд ученого «Современное призвание социологии», который разбит на два тома: «Предшественники» (изложение и критика ряда концепций предшествующих авторов) и «Перспективы» (изложение собственной концепции). Критики Гурвича были единодушны, обвиняя автора в завышенной самооценке из-за того, что тот рассматривал всех социологов как своих предшественников⁷ или даже был склонен «уничтожать всех тех, кто до него или рядом с ним разрабатывал сходные научные концепции»⁸. Справедливости ради нужно заметить, что в указанном труде речь шла о селективной работе — об отборе Гурвичем элементов учений наиболее близких ему авторов для построения собственной концепции. В этом смысле характерно, что он почти никогда не выступал с критикой идей тех авторов, с которыми был принципиально не согласен, считая такую критику контрпродуктивной⁹, и ставил себе задачу не опровержения, а «диалектизации» предшествующих концепций в постоянно обновляющейся перспективе научного знания о социуме¹⁰.

Каковы же основные вехи интеллектуального развития Гурвича? В первые годы научных поисков мыслитель был увлечен историческим анализом политико-правовых идей, хотя в его исследованиях уже проявляется тенденция к комплексному анализу права и общества — попытки объяснить элементы учений разных

⁶ Личные бумаги, записи и рукописи мыслителя служат еще одним подтверждением его склонности к постоянной реинтерпретации. Первый систематизатор личного фонда Гурвича в Парижской академии А. Трон, столкнувшись с разнообразием и гетерогенностью материалов этого фонда, так характеризовал научный метод мыслителя, «метод коллажа и рекомпозиции»: «На самом деле, когда Гурвич читал лекции или писал работу о том или ином предмете, затронутом в более ранних лекциях или работах — а это случалось довольно часто, — он обращался к своим ранним работам, рукописям, публикациям. Подобное повторное использование, присутствующее в творчестве Гурвича как некий призрак, могло принимать форму “заимствования” изрядного количества страниц или же перестановки целых кусков текста» (*Tron H. Inventaire des Archives Georges Gurvitch (1894–1965)*. Paris, 1990. P. 3–4).

⁷ См. прежде всего: *Cuvillier A. Où va la sociologie française*. Paris, 1953; *Wiese L. von. Gurvitchs Beruf der Soziologie // Kölner Zeitschrift für Soziologie*. Bd. 4. 1951–1952.

⁸ *Wiese L. von. Gurvitchs Beruf der Soziologie*. S. 366.

⁹ См. об этом: *Gurvitch G. Réponse à une critique...*

¹⁰ См. основные принципы такой диалектизации в работе Гурвича «Hyper-empirisme dialectique» (*Cahiers Internationaux de Sociologie*. 1953. Vol. 15. P. 3–33).

мыслителей не только через систематизацию их взглядов, но и через анализ социально-политического и правового контекста возникновения соответствующих теорий. Переход ко второму периоду совершается постепенно, после эмиграции в 1920 г. в Германию. Параллельно с подготовкой диссертации о Фихте Гурвич исследует тенденции немецкой философии; стремительно развивающаяся феноменологическая философия занимает внимание молодого ученого, хотя к феноменологии Гурвич идет не напрямую, а через метафизику Фихте.

Защита диссертации в 1924 г. дает мыслителю возможность переориентировать направление своих научных исследований — замысел, который приносит свой результат в конце 1920-х годов, когда Гурвич входит в научную среду Франции как специалист и популяризатор немецкой феноменологической философии. Отметим еще раз, что до этого его научная деятельность протекала в основном в кругах русской эмиграции. Феноменологические принципы (наряду с принципами русской философии права, в особенности концепций В.С. Соловьева, Ф.В. Тарановского, Л.И. Петражицкого) закладываются в основу исследований о социальном праве и юридическом опыте, в которых Гурвич сформулировал оригинальную для французской философии права «идеал-реалистическую» концепцию права. В дальнейших исследованиях по этике и философии права в конце 1930-х годов формируется новая социологическая модель объяснения нормативных социальных явлений, основу которой мыслитель видел в многоуровневой типологии таких явлений и социума.

Данная модель становится доминирующей в третий период творчества мыслителя (начиная с 1940-х годов). Элементы метафизики и феноменологии в «идеал-реалистической» правовой концепции Гурвича дополняются микро- и макро-социологическим анализом соответствующих феноменов. Эмиграция в США и временная интеграция в научное сообщество этой страны, где господствовали прагматизм, эмпиризм и реализм, несомненно, способствовали развитию соответствующих тенденций в формировании мировоззрения ученого. Двумя новыми доминирующими категориями становятся «форма социальности» и «тип глобального общества», в исследовании которых постепенно вырабатывается новая методологическая позиция мыслителя. Гурвич отказывается от поиска «всеобщего» и «неизменного» в социальных явлениях — как посредством метафизических конструкций, так и через феноменологическую редукцию — и сосредоточивает свои исследования на конкретных социальных формах и состояниях, их типологизации. Этот подход получает название «гиперэмпирический реализм». В подобной реконструкции или конструировании общества через типологизацию его форм еще проявляются черты феноменологической методологии, но они уже не являются преобладающими. Данная методология характеризуется мыслителем как «диалектическая», интегрирующая принципы взаимодополняющих теорий¹¹.

---

¹¹ В связи с этим Р. Тулемон справедливо указывает на то, что «мысль Гурвича настолько диалектична, а его принципы настолько переплетаются, что оказывается необходимым излагать всю его теорию в целом применительно к каждому отдельно взятому вопросу» (*Toulemont R. Sociologie et pluralisme dialectique: Introduction à l'œuvre de Georges Gurvitch. Paris: Nauwelaerts, 1955. P. 8*). В. Пэлике отмечает социологический характер

Эта тенденция в творчестве мыслителя удачно сочеталась со стремлением к интеграции влияний различных культурных источников. Говоря о поликультурности Гурвича, известный бразильский мыслитель Роже Бастид приводит пример немецкой («романтической», преимущественно направленной на метафизический анализ социальных явлений) и французской научной мысли («рационалистической», направленной на выведение теоретических конструкций из фактов)¹². Гурвич, по мнению Бастида, сумел соединить в своем творчестве эти два социологических направления, «заменяя конфликт систем признанием существования гетерогенных аспектов бытия»¹³. В статье, написанной в 1940 г., Бастид сожалеет, что Гурвич не интегрировал в свою концепцию достижений англосаксонской социологической мысли (задача, к которой последний как раз приступал в эти годы)¹⁴. Не упоминает Бастид и о русских влияниях, ограничиваясь признанием решающей роли трансперсонализма Фихте, но, скорее, по причине отсутствия достаточной информации о роли русской социальной мысли в становлении мировоззрения ученого.

Гурвич действительно смог синтезировать в своих трудах элементы четырех вышеназванных научных культур, через влияние которых ему суждено было пройти. Понять аутентичный смысл работ и идей мыслителя можно только посредством классификации и анализа этих различных культурных источников¹⁵. Не случайно мыслитель уделял особое внимание анализу теорий своих предшественников: обычно такой анализ занимал более половины любого его произведения. Рожер Бастид в связи с этим справедливо говорит о «длительной конфронтации между различными доктринами, с одной стороны, и между отдельными доктринами и фактами»¹⁶ — с другой; через эту конфронтацию и формировалась мысль Гурвича. Поэтому, по мнению Бастида, «мы не сможем понять образа мыслей Гурвича, если не будем использовать тот же метод»¹⁷ сопоставления различных доктрин. Данную особенность, но в несколько ином аспекте, отмечает и Фернан Бродель. Рецензируя упомянутую книгу Гурвича «Современное призвание социологии», Бродель говорит о свойственной Гурвичу «страсти к разрушению», которая выражается в последовательной деструктивной критике идей предшествующих мыслителей. Вместе с тем он признает, что такой подход — построение собственной

этого учения о праве Гурвича: «вопрос о правовой теории неизменно подразумевает вопрос об обществе» (*Palikan W. Spätbürgerliche Ideologie und Rechtssoziologie (zur marxistischen-leninistischen Analyse philosophischer Aspekte der Rechtssoziologie bei M. Weber, Th. Geiger und G. Gurvitch)*. Halle: Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg, 1970. S. 118).

¹² *Bastide R. La sociologie de Georges Gurvitch // Bastidiana. 2001. No. 35–36. P. 93.*

¹³ *Ibid. P. 94.*

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ Под термином «культурный источник» понимается совокупность влияний, которые испытал на себе мыслитель в той или иной социально-культурной среде. Речь идет, таким образом, о контекстуализации творчества Гурвича по отношению к истории правовой мысли четырех основных философских культур, в которых он формировался как мыслитель.

¹⁶ *Ibid. P. 69.*

¹⁷ *Ibid.*

теории на обломках теорий других авторов — является характерной особенностью научного метода Гурвича¹⁸.

Критическая рецепция взглядов Гурвича характерна для многих исследований, в том числе и его современников. Частично эта рецепция, как мы отметили выше, оказывается эмоциональным ответом на намерение Гурвича построить научно-методологическую концепцию, свободную от тех ошибок и недостатков, в которых мыслитель обвинял правовую и социальную мысль¹⁹, в первую очередь от претензии на системность — ее он считал необходимым заменить на «прагматичность метода, призванного непрестанно доказывать свою действенность в ходе практического применения»²⁰. Впрочем, как будет продемонстрировано ниже, становление идей и концепций мыслителя не может рассматриваться в отрыве от развития современных ему социологии и правоведения.

Гурвич никогда окончательно не примыкал к определенной научной школе, предпочитая оставаться независимым по отношению к господствующим «научным модам» и «идти против течения», будучи «изгнанным из стада социологов и философов»²¹. Как отмечает П. Макдоналд, Гурвич — один из немногих социологов XX в., заслуживающих эпитета «уникальный», хотя «оригинальность взглядов делает его концепцию практически недоступной для понимания»²². С категоричностью последнего тезиса согласиться трудно, так как правовое учение Гурвича хотя и недоступно для понимания без учета положений его общесоциологической и общеправовой концепций, но вполне объяснимо в контексте эволюции взглядов мыслителя.

---

¹⁸ Braudel F. Georges Gurvitch et la discontinuité du social // *Annales: Economie. Sociétés. Civilisations*. 1953. No. 8. P. 348.

¹⁹ Основным их недостатком Гурвич считал использование метафизических посылок, которые были характерны как для идеализма, так и для самого последовательного материализма (*Gurvitch G. Die gegenwärtige Lage der Soziologie und ihre Aufgabe // Soziologische Forschungen in unserer Zeit. Leopold von Wiese zum 75 Geburtstag / K.G. Sprecht (Hrsg.). Köln, 1951. S. 11–13*).

²⁰ *Gurvitch G. Réponse à une critique... P. 95*.

²¹ *Idem. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde // L'Homme et la Société. 1966. No. 1. P. 12*. Ср. с первым употреблением данного сравнения в письме Г. Гурвича Ж. Валю от 4 апреля 1939 г.

²² *McDonald P. The Legal Sociology of Georges Gurvitch // British Journal of Law and Society. 1979. Vol. 6. P. 303*.

Часть первая

**ЭВОЛЮЦИЯ
НАУЧНОЙ ПОЗИЦИИ**

I. МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА (до 1920 г.)

1. Начало творческого пути

Георгий Давидович Гурвич родился 24 ноября (2 ноября по новому стилю) 1894 г. в Новороссийске в семье Давида Николаевича (Натановича) Гурвича, директора крупного Русско-Азиатского коммерческого банка, основанного одним из крупнейших предпринимателей России той эпохи — А.И. Путиловым. Мать Георгия — Полина (Фрума-Песя) Абрамовна Гурвич (урожденная Шабат) была домохозяйкой и вместе с семьей (двумя сыновьями — Георгием и Леонтием) сопровождала мужа в его служебных разъездах. Профессиональная деятельность Давида Николаевича вынуждала семью часто менять место жительства: Гурвичи последовательно жили в Новороссийске (почетными гражданами которого они стали по царскому декрету от 8 марта 1905 г.), Одессе, Ростове-на-Дону, Баку, Риге, Петрограде.

Возможно, именно проведенное в постоянных переездах детство сформировало «мобильность» мироощущения Гурвича, которого его ученик Ж. Балантье характеризует как «великого путешественника по просторам мысли»²³. Русский писатель Борис Мирский (Миркин-Гецевич), глубокий психолог, также отметил эту основную черту характера Гурвича, определяя ее как страсть к «постоянному кочеванию без долгих остановок на месте»²⁴. Как признается сам Гурвич, годы учебы в лицее (Ростов-на-Дону) заложили в его характере и другую черту — «воспринимать любую опасность как приятное развлечение»²⁵. Юноша учился очень старательно, в его аттестате только одна оценка «хорошо» по математике²⁶ и оценки

---

²³ *Balandier G. Georges Gurvitch: sa vie, son œuvre. Paris, 1972. P. 6.*

²⁴ См. анкету собеседования Б. Миркина-Гецевича с Г.Д. Гурвичем от 15 апреля 1928 г. в архивах ложи «Северная Звезда» в Париже (Национальная библиотека Франции. Отдел рукописей. Архивы русских масонских лож (Великий Восток Франции — Северная Звезда (1924–1970)). Дело Г. Гурвича. 5/211).

²⁵ Так писал Гурвич своему ученику Ж. Дювиньо в 1961 г. по поводу полученного от националистов письма с угрозами, которые через непродолжительное время стали реальностью (письмо Г. Гурвича Ж. Дювиньо от 16 декабря 1961 г. // Институт современного издательского дела. Фонд Ж. Дювиньо (Дело Г. Гурвича). DVG2. Cote 03).

²⁶ Аттестат зрелости Г.Д. Гурвича в Личном деле Г.Д. Гурвича в Фонде Юрьевского университета (1912–1915) // Исторический архив Эстонии. Фонд Юрьевского университета. Ф. 402. Картон I. Д. 8003. Ед. хр. 1.6-6.

«отлично» по остальным дисциплинам; хотя он мог и «прогулять урок ради дела, которое считал более важным»,²⁷ а о разносторонности его развития свидетельствуют изданный небольшим тиражом в 1911 г. сборник стихов²⁸ и философские размышления, которыми Гурвич делится в своей автобиографии, — критическое переосмысление гегельянства и марксизма, предпринятое мыслителем в 17 лет²⁹.

Интересные и немаловажные для последующей эволюции мысли ученого встречи состоялись уже в самом раннем детстве: в среде его приятелей и одноклассников были ставшие впоследствии очень известными личности, например Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954). Детские годы Гурвич провел в пригороде Баку; его семья жила неподалеку от семьи юного Вышинского, будущего идеолога сталинского режима и заодно разработчика этатистской концепции советского права, «сталинского палача», которого позднее Гурвич «ненавидел ненавистью человека, способного на крайние проявления чувств»³⁰. В лицее Ростова-на-Дону Гурвич встречает Александра Койре, другого выдающегося представителя русской эмиграции³¹, с которым впоследствии поддерживал дружеские контакты. В рижской Николаевской гимназии (1908–1912) молодой человек в 1911 г. заводит дружбу с двумя старшими гимназистами, оставившими позднее заметный след в истории Советской России, — В.В. Ульрихом (1889–1951) и П.И. Кушнером (1889–1968), и, убежденный в «обреченности прогнившего царского режима»³², вместе с новыми друзьями начинает революционную деятельность в кружке социалистов³³. Из-за жесткого характера Павла Кушнера (ставшего после гражданской войны, в ходе которой он командовал Туркестанским фронтом Красной армии, профессором этнологии Московского университета) друзья пророчили ему славу диктатора, и наоборот, мягкому по характеру Василию Ульриху (при Советской власти он стал сначала председателем Военного трибунала (1919), а затем безжалостным судьей, ведшим громкие процессы Савинкова, Троцкого, Тухачевского и др.) в шутку предсказывали карьеру заведующего детским садом³⁴. В этих предсказаниях молодые люди ошиблись, хотя судьба самого Гурвича, которому из-за его резонерства друзья пророчили карьеру адвоката или профессора³⁵, пошла по предсказанной стезе. Самостоятельный характер, увлечение поэзией и политикой не помешали юному Гурвичу получить серебряную медаль за отличную учебу при выпуске из гимназии в 1912 г.³⁶

---

²⁷ Roux Y. Le choix de Gurvitch // Bulletin de l'AISLF. 1994. No. 10. P. 49.

²⁸ Гурвич Г. Искры мгновенные. Варшава, 1911.

²⁹ Помимо работ Гегеля молодой Гурвич в этом возрасте перечитал огромный объем философской литературы, от Канта и Маркса до Риккерта и Плеханова (*Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde... P. 9*).

³⁰ Freyre G. Mon ami Gurvitch // Anamnèse. 2005. No. 1. P. 153.

³¹ Schuhl P.-M. Nécrologie: Georges Gurvitch (1894–1965) // Revue philosophique de la France et de l'étranger. 1967. No. 92. P. 331.

³² Duvignaud J. Entretien avec Georges Gurvitch // Les Lettres nouvelles. 1959. No. 7. P. 25.

³³ Ibid. P. 24.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ См. аттестат зрелости Г.Д. Гурвича.

После окончания гимназии Гурвич в том же 1912 г. поступил на юридический факультет Юрьевского (Тартуского) университета, где учился в течение трех лет. Среди его наставников были А.С. Яценко, Ф.В. Тарановский, М.Е. Красножен, Л.А. Шалланд и другие видные правоведы России. На время летних каникул молодой исследователь выезжал в Германию, где изучал современную ему немецкую философию в университетах Гейдельберга и Лейпцига под руководством таких видных ученых, как В. Вундт и Э. Ласк³⁷. В эту эпоху юный мыслитель увлечен идеями и работами других немецких мыслителей — Э. Кассирера, Г. Риккерта, В. Виндельбанда, Г. Зиммеля, М. Вебера³⁸. В годы Первой мировой войны интерес Гурвича к немецкой философии остывает — молодой человек увлечен как политическими событиями в России, так и трудами Прудона и Руссо, которые он усердно штудировал в тот период. Вновь к изучению немецкой философской мысли Гурвич приступил лишь после 1920 г., сконцентрировав свое внимание на идеях И.Г. Фихте и попутно постигая правовую доктрину О. фон Гирке.

Первым знакомством с немецкой философией молодой ученый был обязан работам классиков — Фихте и Гегеля. Влияние Гегеля с первого взгляда не так заметно в правовой концепции Гурвича. Но юношеские увлечения диалектикой этого мыслителя не прошли бесследно и оказали определенное влияние на феноменологические симпатии Гурвича впоследствии³⁹. Гурвич критикует диалектику Гегеля за ее догматизм (выразившийся в абсолютизации антиномий, законов, схем исторического развития и даже форм политического устройства), но вместе с тем черпает в ней идеи для развития собственной идеал-реалистической диалектики⁴⁰. Отношение Гурвича к диалектике Гегеля несколько амбивалентно. Так, в своем дневнике он пишет: «Я думал найти в гегельянстве ответ на мучавшие меня противоречия марксизма... Но результат был безутешительным, и мое возмуще-

³⁷ См.: *Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde... P. 7.*

³⁸ *Ibid.* P. 6.

³⁹ На это обращали внимание многие исследователи. В частности, Леон Бруншвиц в предисловии к работе Гурвича о тенденциях немецкой философии писал, что концепция Гегеля была для автора «центром для репульсий и аттракций, средоточием для мысли... Без этой концепции невозможно объяснить развитие идей и сюжетов в рамках феноменологии» (*Brunschvicg L. Introduction // Gurvitch G. Les tendances actuelles de la philosophie allemande. Paris, 1930. P. 8.*). Сам же Гурвич видел в феноменологическом методе «антипод диалектического метода Гегеля» (*Gurvitch G. Phénoménologie et criticisme. Une confrontation entre les deux courants dans la philosophie d'Emile Lask et de Nikolai Hartmann // Revue philosophique de la France et de l'étranger. 1929. No. 118. P. 250.*

⁴⁰ См.: *Gurvitch G. Dialectique et sociologie. Paris: Flammarion, 1962. P. 83.* Основной ошибкой немецкого мыслителя Гурвич считал рационализм и говорил о том, что по этой причине «еще с лицейской поры испытывал глубокое отвращение к идеям Гегеля» и что все его «философское и социологическое развитие шло наперекор гегелевской концепции» (письмо Г. Гурвича Р. Кёнигу от 4 ноября 1963 г. // Исторический архив города Кёльна. Фонд Рене Кёнига. Оп. 1671). Вместе с тем он находил в работах раннего Гегеля элементы иррационализма (см.: *Gurvitch G. Le temps présent et l'idée du droit social. Paris, 1931. P. 116.*), которые позволяли более глубоко оценить гегелевскую диалектику, представляющую не столько как диалектика Разума, сколько как диалектика Непознаваемого (см.: *Gurvitch G. Dialectique et sociologie. P. 73–75.*)

ние не знало пределов: идея синтеза гражданского общества и семьи в Прусской империи как воплощения конкретной нравственности подтвердила мои худшие опасения по отношению к любой детерминистической концепции и подвела итог моему окончательному разрыву с марксизмом и гегельянством — такими, какими я их воспринимал в свои 17 лет»⁴¹.

В работах зрелого периода Гурвич характеризует диалектику Гегеля как «рационалистическую апологию мистерии обожествления всего относительного через нисходящее и восходящее движение духа, что, в свою очередь, ведет к оправданию любого данного в действительности порядка»⁴². И поэтому такая диалектика «неотделима от мистико-теологического догматизма»⁴³, ошибки которого были частично преодолены в диалектических концепциях Маркса и Прудона. Последние стали не повторением, а «жестким ответом» на теорию Гегеля⁴⁴. Методологическую ошибку этого мыслителя Гурвич находил в смешении двух разных аспектов диалектики — как метода исследования социальной действительности и как формы социальной динамики⁴⁵.

Эта ошибочная позиция, ориентированная на классическую форму научной рациональности, сказывалась и на правовой теории Гегеля, которую Гурвич впоследствии упрекал в следовании принципам римской юриспруденции (противопоставление публичного и частного, безусловный и безграничный характер права частной собственности). В данном аспекте Гурвич соглашается с Марксом: «по природе своей человек не является ни собственником, ни гражданином; его сущность раскрывается в участии в социальном действии»⁴⁶, поэтому индивидуальные права не являются главенствующими в правовой жизни, подчиняясь праву социальному. В то же время Гурвич не соглашается с полным отрицанием права частной собственности, что предлагалось в некоторых политических памфлетах Маркса; отчуждение человека от результатов его труда возможно и при отсутствии частной собственности, но при неправильной организации экономической и политической власти, на что указывал пример Советского Союза⁴⁷.

Что касается влиятельной в те года кантианской философской традиции, то молодой исследователь практически сразу отказался от «формализма» категорического императива И. Канта, от формальной этики с разделением внешнего и

---

⁴¹ *Gurwitch G.* Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde... P. 4.

⁴² *Gurwitch G.* La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2: Antécédents et perspectives. Paris: PUF, 1969. P. 243.

⁴³ *Ibid.* P. 244.

⁴⁴ *Ibid.* P. 246. Характерно, что именно несогласие с гегельянством, которое составляло методологическую базу официального марксизма, привело молодого Гурвича к разрыву с марксизмом, «как до, так и после двух революций» в России (письмо Г. Гурвича Р. Кёнигу от 4 ноября 1963 г.).

⁴⁵ См.: *Gurwitch G.* La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2. P. 247. Несмотря на попытки Маркса преодолеть эту ограниченность, его концепции также было свойственно одностороннее понимание диалектики под углом зрения только поляризации социальных явлений и процессов (*Ibid.* P. 319).

⁴⁶ *Ibid.* P. 253.

⁴⁷ *Ibid.* P. 257.

внутреннего закона. Гурвич не принимает и неокантианского разделения наук на номотетические и идеографические, что в дальнейшем скажется на разработанной им диалектической концепции. Да и саму принципиальную посылку Канта о разделении должного и сущего мыслитель считает недостаточно обоснованной: должное и сущее действительно разделяются на уровне субъективности, но отсюда, для Гурвича, не следует, что это разграничение имеет онтологическую основу, как пытались представить Кант и его последователи⁴⁸. Мыслитель критикует и такие принципы неокантианства, как разделение между «пониманием» и «объяснением» и, что важно для понимания его правовой теории, разделение между нормой и фактом⁴⁹.

В поисках основы для своих социально-правовых исканий молодой исследователь обращается к этике Фихте. Система немецкого философа привлекла Гурвича возможностью утверждения Абсолютного через относительное как опоры нравственного и творческого действия без абсолютизации относительного, что имело место в системе Гегеля. Формирование философской позиции молодого ученого не заканчивается преодолением гегельянства — Гурвич понимает методологическую несостоятельность неокантианства, которое критикует за «закамуфлированный платоновский идеализм, примитивный антипсихологизм и антисоциологизм»⁵⁰. Не находит он ответа на свои философские искания и в концепциях известных социологов того времени (Г. Тард, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель).

Но до этого молодому исследователю, равно как и большинству современных ему российских интеллектуалов, пришлось пройти через «испытание» марксизмом. Отношение Гурвича к марксистской теории меняется от категорического приятия в юности до полного отторжения в годы учебы в университете. Вместе с тем нельзя не признать того влияния, которое эта теория оказала на формирование как мировоззрения, так и социологической и правовой концепций ученого. Так же как и в теориях Руссо, Прудона и других мыслителей, Гурвич нашел в теории Маркса глубины, не заметные поверхностному взгляду тех, кто искал в ней политические лозунги. Маркс представлялся ему «наименее догматичным среди основоположников социологии»⁵¹, заслугами которого были создание новой динамичной картины социальной действительности, противоположной статизму и эволюционизму видения социума в концепциях Дюркгейма и Конта⁵², и преодо-

⁴⁸ Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избр. соч. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2004. С. 288–289.

⁴⁹ См. подробнее: *Gurvitch G. La crise de l'explication en sociologie // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1956. Vol. 21. P. 9 et suiv.* Здесь лежит теоретическое обоснование основных правовых трактатов Гурвича 1930-х годов: мыслитель отказывается от господствующих в правоведении той эпохи понятий аналитической юриспруденции, поскольку они основаны на дуалистических предпосылках кантианства, и развивает новую теорию, призванную дать целостный образ права как «идеал-реалистического» явления (см.: Гурвич Г.Д. Идея социального права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права. С. 78 и след.).

⁵⁰ *Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde... P. 4.*

⁵¹ *Idem. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2. P. 220.*

⁵² *Ibid. P. 222–223.*

ление ложной альтернативы между индивидом и обществом через утверждение их взаимной имманентности друг другу⁵³.

Не случайно Гурвич посвящает ряд своих первых работ в эмиграции анализу теории немецкого мыслителя — его концепции социальных классов как реальных социальных явлений, общефилософским взглядам, среди которых Гурвич высоко ценил тезис о динамичном, изменчивом характере всех форм духовной и материальной жизни, необходимости объяснения каждого социального явления в контексте всего общества⁵⁴. Но в данном аспекте марксистской теории, как и во многих других, Гурвич исходит в немалой степени из собственных представлений, «находя» их в «закамуфлированном» виде у Маркса. Характерно в этом отношении, как Гурвич интерпретирует известные тезисы Маркса о детерминированности сознания бытием, о примате экономики в социальном развитии, о законах исторического развития. По мнению мыслителя, эти тезисы, вопреки самому Марксу, нужно воспринимать только в контексте того капиталистического общества, которое, по сути, являлось предметом изучения немецкого философа⁵⁵. Это объяснялось тем, что данные тезисы не совпадали со сконструированными Гурвичем принципами «социологичности и антидогматизма», которые он находил в теории Маркса⁵⁶.

Далее, можно привести пример теории социальных классов, где Гурвич развивает мысли немецкого философа о классовой структуре обществ и о классах как реальных социальных целостностях, либо пример марксистской диалектики, в которой процесс мышления находит утверждение в связи с социальной средой (хотя Гурвич и критикует эсхатологизм философии истории Маркса)⁵⁷. Применительно к теории социальных классов принципиально важным Гурвич считает не открытие данной формы социальности, а утверждение Марксом ее плюралистического, релятивистского характера. Эти идеи, по мнению Гурвича, подспудно присутствуют в концепции немецкого мыслителя, который в зависимости от исследуемого общества (в Англии XVIII в. или в Германии и Франции XIX в.) выделял разный количественный и качественный состав социальных классов⁵⁸. Но данные выводы Гурвича основываются на очень спорной реконструкции идей Маркса. Они, видимо, связаны со стремлением мыслителя найти опору своим идеям в популярной тогда в интеллектуальных кругах Франции марксистской теории.

Гурвич не соглашается с экономическим детерминизмом, утверждаемым марксистами (их интерпретации мыслитель считал далекими от представлений самого Маркса), — объяснение социальных явлений может опираться на анализ только тотальных социальных явлений, но не их отдельных аспектов⁵⁹. Даже если

---

⁵³ *Gurvitch G.* Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde. P. 254.

⁵⁴ См.: *Gurvitch G.* La sociologie de Karl Marx. Paris: CDU, 1962. P. 49–79.

⁵⁵ *Idem.* La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2. P. 306–307, 312–317.

⁵⁶ *Ibid.* P. 318.

⁵⁷ См.: *Gurvitch G.* Etudes sur les classes sociales. Paris: Gonthier, 1966. P. 86 et suiv.

⁵⁸ *Ibid.* P. 284.

⁵⁹ С этой точки зрения Гурвич критикует попытки объяснения социальных явлений путем формулирования «законов» общественной жизни (наподобие социальной физики О. Конта или исторического материализма К. Маркса) и считает, что при изучении обще-

в определенные периоды истории тех или иных обществ экономика становится доминирующим фактором в социальном бытии, отсюда нельзя выводить «закономерности» (понятие, которое Гурвич подвергает разносторонней критике в одной из своих основных работ)⁶⁰. В этом аспекте Гурвич констатирует порочность исключительно материалистического видения общества и концепции первичности экономического фактора в истории (и соответственно зависимости права от экономической формации), преувеличение роли государства в переходе к новым формам хозяйства и т.д.⁶¹

В данных вопросах мыслитель оказывается ближе к прудонизму, чем к марксизму⁶². Вместе с тем конфронтация этих двух школ и политических течений (особенно в рамках I Интернационала) не означала для Гурвича конфронтации теорий двух мыслителей — Маркса и Прудона⁶³. Общее в их теориях Гурвич находил в принципиальном видении социальной действительности как «действия, усилия, трудового подвига, соревнования социальных групп и классов, ведущего к социальным революциям»⁶⁴. Данная позиция Гурвича логично вытекает из его представлений о социальном плюрализме. Поэтому неудивительно, что он полностью принимает концепцию «праксиса», сформулированную в ранних работах Маркса и означающую, по мнению Гурвича, что борьба классов, конфликт производственных сил и производственных отношений — только внешние выражения диалектического движения взаимодополняемых усилий и устремлений индивидов и коллективов⁶⁵. Здесь опять-таки заметно желание мыслителя найти отсутствующие в концепции Маркса элементы бергсоновской теории социальной динамики, которая стала одним из основных элементов социологии самого Гурвича.

Теория социальной обусловленности институтов общества, равно как и теория социального контекста знания, были восприняты Гурвичем в аспекте сочинений молодого Маркса — в смысле взаимной социальной обусловленности всех социальных процессов, включая право и экономику⁶⁶. Гурвич интерпретирует тер-

---

ства в ограниченных пределах могут применяться лишь статистические закономерности, но не более. Социология имеет возможность только казуального объяснения каждого конкретного социального факта и классификации его в рамках социологической типологии (См.: *Gurwitch G. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 1.: Sociologie différentielle. Paris: PUF, 1950. P. 11*) — эта позиция напоминает принципы неокантианства и в следующих изданиях указанной книги была скорректирована в пользу признания возможности качественного анализа социальных явлений.

⁶⁰ См.: *Gurwitch G. Déterminismes sociaux et liberté humaine. Paris: PUF, 1955.*

⁶¹ См.: *Idem. Dialectique et sociologie. P. 159.*

⁶² См.: *Idem. Pour le centenaire de la mort de P.-J. Proudhon. Proudhon et Marx: une confrontation. Paris: CDU, 1964.* В этом идеологическом противостоянии мыслитель принимает сторону скорее Прудона, чем Маркса (см.: *Gurwitch G. Proudhon et Marx // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1966. Vol. 40. P. 7–16.*)

⁶³ См.: *Idem. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2. P. 249.*

⁶⁴ *Ibid. P. 248.*

⁶⁵ *Ibid. P. 246.*

⁶⁶ В. Пэликé видит ошибку Гурвича в непонимании роли труда в марксистской философии, который Гурвич рассматривает исключительно в материальном аспекте, не замечая экономическую роль труда как формообразующего фактора (см.: *Pälike W. Op. cit.*)

мин «производство» в контексте ранних работ Маркса, считая, что этот термин включает в себя и процесс воспроизводства идей и ценностей⁶⁷. Поэтому утверждение Марксом примата производственных сил получает в интерпретации Гурвича характер скорее бергсоновской концепции жизненного порыва, где производственные силы отождествляются с любыми спонтанными или организованными коллективными усилиями.

Мыслитель считает, что основной категорией марксистской теории является категория целостности, «единства глубинных уровней социальной действительности, движение элементов которой фиксируется в типологической классификации»⁶⁸. Впрочем, нужно признать, что и здесь Гурвич навязывает концепции Маркса чуждые ей идеи и категории из социальных теорий Дюркгейма и Зиммеля, которые сам развивал в своей социологической доктрине. Это заметно уже в той критике, которую Гурвич обрушивает на концепцию Маркса в другом аспекте, справедливо отмечая, что социальное единство как взаимодополняемость индивида и общества мыслилось немецким философом только в категориях идеала будущего общественного устройства⁶⁹.

Импонировало Гурвичу и стремление Маркса к поиску новых, более справедливых форм социального устройства, в том числе и в рамках концепции социализма, хотя Гурвич дистанцировался от радикализма политических выводов Маркса и не соглашался с его представлениями об основополагающей роли идеологии в построении диалектической картины общества⁷⁰. Утверждая необходимость установления диктатуры пролетариата в ходе поступательного хода развития истории, Маркс, по мнению Гурвича, противоречил принципам собственной диалектической и релятивистской социальной теории. Представляется, что более логичным для Гурвича было поставить вопрос о том, насколько сконструированные им принципы в действительности присущи марксистской концепции, основные идеологические элементы которой вступали в явный конфликт с этими принципами.

Среди ошибочных идей и положений социальной концепции Маркса Гурвич называл: 1) непоследовательность его релятивизма — утверждение социальных законов и существования единой для общества социальной иерархии, конечной цели социального развития, только на основании тенденций одной общественной формации — капитализма; 2) нечеткость понятия «идеология», которое иногда совпадало со всей сферой духовного воспроизводства общества; 3) недостаточность анализа других, кроме социальных классов, форм социальности; 4) многозначность термина «отчуждение», который подразумевал как общие для

S. 207). Другой принципиальной ошибкой Гурвича немецкая исследовательница считает его ориентацию на изучение действия права при отказе от поиска причин такого действия (Ibid. S. 214).

⁶⁷ См.: *Gurvitch G. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2. P. 258–259.*

⁶⁸ Ibid. P. 225, 260–263.

⁶⁹ Ibid. P. 254.

⁷⁰ В этом плане показательна критика Гурвичем идей французского марксиста Л. Гольдмана (Ibid. P. 227–228).

социальной жизни явления (объективация результатов творчества), так и свойственные только капиталистическому обществу черты (присвоение труда и фетишизация его результатов)⁷¹.

В связи с этим не совсем оправданна позиция тех исследователей, которые рассматривают Гурвича как марксиста⁷². Однако для этой позиции есть определенные основания в работах самого Гурвича, который заявлял, что «Маркс намного глубже, чем его истолковывают марксисты»⁷³ и что его (Гурвича) социология использует теорию Маркса как одну из главных отправных точек⁷⁴. Верно, что «идеи молодого Маркса признаются Гурвичем в качестве источника вдохновения»⁷⁵, но не более того: это вовсе не означало принятия всех принципов концепции Маркса⁷⁶. Вместе с тем марксизм определял в школьные и университетские годы не только научную, но и практическую позицию формирующегося ученого — как в лицее, так и в университете молодой Гурвич состоял в социал-демократических кружках⁷⁷.

В плане академическом на тот момент Гурвич был прикреплен к кафедре истории русского права Юрьевского университета, возглавляемой Ф.В. Таранов-

⁷¹ Ibid. P. 320–322.

⁷² См.: *Swedberg R. Georges Gurvitch. A Study of the Relationship between Class Strategy and Social Thought.* Boston, 1978; *Idem. Georges Gurvitch: The Unhappy Positivist // The Journal of the History of Sociology.* 1982. No. 4. P. 66–93; *Idem. Sociology of Disenchantment: The Evolution of the Works of Georges Gurvitch.* N.Y., 1982. Но нельзя не учитывать того, что, говоря о заимствовании ряда концепций и категорий (концепция социальных классов, диалектическая модель социального развития), Гурвич рассматривает себя скорее как критика марксизма, чем как продолжателя линии Маркса (*Gurvitch G. La sociologie de Karl Marx.* P. 8 et suiv.).

⁷³ *Gurvitch G. La sociologie de Karl Marx.* P. 3; *Idem. La vocation actuelle de la sociologie.* Vol. 2. P. 221.

⁷⁴ См.: *Idem. La sociologie de Karl Marx.* P. 58. Нужно отметить, что Гурвич стал во Франции одним из основных исследователей социальной доктрины Маркса, и в немалой степени благодаря исследованиям Гурвича творческое наследие Маркса было интегрировано во французскую социологию, а самого Маркса стали рассматривать не только как экономиста и политического философа, но и как социального мыслителя (*Simon P.-J. Georges Gurvitch et l'histoire de la sociologie // Anamnèse.* 2005. No. 1. P. 16–17).

⁷⁵ *Saint-Louis F. Georges Gurvitch et la société autogestionnaire.* Paris: L'Harmattan, 2006. P. 75.

⁷⁶ См. критику марксизма, например: *Gurvitch G. La vocation actuelle de la sociologie.* Vol. 1. P. 55 et suiv.; *Idem. Tiefensoziologie // Wörterbuch der Soziologie / W. Bernsdorf (Hrsg.).* Neuwied, 1969. S. 1163; *Idem. Dialectique et sociologie.* P. 157 et suiv. Характерно, что Гурвич противопоставлял работы раннего Маркса работам позднего периода, критикуя их за экономический детерминизм. Так, первая работа Гурвича, которая послужила основой для его последующих разработок по марксизму, была посвящена именно социологии молодого Маркса: *Gurvitch G. La sociologie du jeune Marx // Cahiers Internationaux de Sociologie.* 1948. Vol. 4. P. 3–47.

⁷⁷ Об участии молодого Гурвича в деятельности социал-демократов до 1912 г. см. выше, а также: *Duvignaud J. Entretien avec Georges Gurvitch...* P. 24–25. В студенческие годы Гурвич входил в секцию меньшевиков в Юрьевском университете и даже передал в эту секцию свою первую работу 1915 г. о Прокоповиче (см. об этом: *Исаков С.Г. Молодые годы знаменитого социолога. Запоздалая юбилейная статья // Радуга.* 1995. № 8–9. С. 27). После переезда в Петроград Гурвич присоединяется к социал-революционерам, но официально в партийной жизни не участвует.

ским⁷⁸, и поэтому свои студенческие работы должен был посвящать соответствующей проблематике. В эту проблематику отлично вписывался конкурс, объявленный в 1914 г. по предложению Ф.В. Тарановского сенатором Л. фон Брадке, на лучшую студенческую работу о творчестве Феофана Прокоповича. По признанию Тарановского, его надежды на хорошую студенческую работу оправдались сполна: работа Г.Д. Гурвича «“Правда воли монаршей” Феофана Прокоповича» далеко превосходила этот уровень и отвечала требованиям серьезного научного исследования. Хотя из-за начала военных действий и «непредвиденных обстоятельств»⁷⁹ молодой исследователь и не сумел полностью завершить свой труд, в декабре 1914 г. он был награжден медалью, а работа была опубликована в 1915 г. — сначала в Ученых записках Юрьевского университета, а потом и отдельным изданием под более широким названием «“Правда воли монаршей” Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники (Гроций, Гоббс, Пуфендорф)». Этот успех «предрешил выбор научной карьеры»⁸⁰ молодым исследователем и ознаменовал важное для понимания развития его научного мировоззрения влияние идей Ф.В. Тарановского. Через полгода Гурвич переезжает в Петроград и переводится на четвертый курс юридического факультета Петроградского университета.

Сочинение молодого Гурвича о политической доктрине Прокоповича состояло из двух основных частей: изложения сущности учения Прокоповича (которое, по мнению Гурвича, сводится к учению о престолонаследии) и анализа концепций престолонаследия в трудах таких европейских авторов, как Гоббс, Гроций и Пуфендорф. Этот анализ завершается изучением различий между позициями русского теоретика монархизма и западноевропейских авторов. Начинаящий исследователь убедительно доказал, что данное сочинение Прокоповича представляет не столько самостоятельную политическую доктрину, сколько компиляцию взглядов вышеназванных европейских философов права. Однако Гурвич далек от того, чтобы считать труд Прокоповича простой калькой западноевропейских политико-правовых идей либо всего лишь научным обоснованием фактически существовавшего наследственного самодержавия. Прокопович вполне самостоятелен в основных выводах своей доктрины и обращается к трудам европейских мыслителей только в поисках аргументации, старательно отсеивая те идеи, которые не согласуются с его принципами⁸¹.

---

⁷⁸ Активное участие молодого Гурвича в практических занятиях по истории русского права в 1913–1914 гг. отмечает Ф.В. Тарановский в своем рекомендательном письме от 1 октября 1915 г. (Личное дело Г.Д. Гурвича (1915–1917) в Фонде Петроградского университета // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 68460).

⁷⁹ Рукопись студенческой работы Гурвича «“Правда воли монаршей” Феофана Прокоповича». 1914. Исторический архив Эстонии. Ф. 402. Картон 13. Д. 502. С. 1. В частности, молодой исследователь изначально предполагал осуществить сравнительный анализ представлений Прокоповича о монархии с концепцией легитимной монархии для того, чтобы продемонстрировать, что «монархия в России начала XIX в. не была монархией легитимной» (Там же. С. 2).

⁸⁰ *Gurvytch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde... P. 5.*

⁸¹ См.: *Гурвич Г.Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее европейские источники (Гроций, Гоббс, Пуфендорф).* Юрьев: Типография Маттисена, 1915. С. 109–111.

Уже в этой ранней работе Гурвича прослеживается основной принцип его правовой доктрины — антииндивидуализм. Следуя данному принципу, молодой исследователь делает вывод в пользу влияния на формирование доктрины Прокоповича идей тех мыслителей, для которых был характерен холистский подход к изучению общества (Гроций, Пуфендорф), и оспаривает влияние индивидуалистской концепции Гоббса⁸². Примечательно, что Ф.В. Тарановский критикует именно этот основной вывод ученика — утверждение о полной независимости творчества Прокоповича от идей Гоббса, основанное на предположении о внутреннем единстве работы Прокоповича (с чем Тарановский категорически не соглашается)⁸³, но именитый русский ученый не накладывает «своей властной редакторской руки»⁸⁴ на труд Гурвича.

Другим знаковым направлением студенческой работы Гурвича становится попытка построения исследования на междисциплинарной основе. Молодой ученый, так же как и его наставник Ф.В. Тарановский, не считает себя связанным рамками одной дисциплины и конструирует свое исследование одновременно и как философско-правовое, и как историко-правовое, и как теоретико-правовое. Эта междисциплинарность исследований стала одним из основных методологических принципов в работах Гурвича зрелого периода (можно упомянуть диалектическую концепцию ученого, включающую такие принципы, как взаимодополняемость перспектив и т.п.) и во многом напоминает методологические установки исследований Тарановского в такой работе, как «Энциклопедия права» (1917).

Влияние идей именитого ученого, назначенного на профессорскую должность в Юрьевском университете в 1911 г., становится очевидным уже с первой страницы рукописи, которую молодой Гурвич начинает цитатой из диссертационного исследования Тарановского «Догма публичного права во Франции при Старом режиме»: «Даже если бы в прошлом мы не обнаружили развитой догмы публичного права, это бы не означало отсутствия идей для определения и легитимации фактических отношений в публичной сфере»⁸⁵. Эта цитата дает ясное представление о методе реконструкции, который Тарановский применял в своих философско-исторических исследованиях и который впоследствии стал характерным для исследований его ученика по истории социального права. Речь идет об идее общества как целостности, о концепции права как социопсихической реалии. Параллелизм между правовыми учениями учителя и ученика наглядно

---

⁸² Говоря о доктрине Прокоповича, Гурвич отмечает, что она основана на идее общества как организма, как целостности и поэтому несовместима с индивидуалистическим учением об обществе Гоббса (Там же. С. 33–38).

⁸³ *Тарановский Ф.В.* Предисловие // Гурвич Г.Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее европейские источники (Гроций, Гоббс, Пуфендорф). С. VIII–IX.

⁸⁴ Там же. С. IX.

⁸⁵ Титульный лист рукописи студенческой работы Гурвича «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича». Эта цитата была помещена только в рукописной версии работы Гурвича 1914 г., тогда как печатная версия (1915) этой студенческой работы посвящена наставнику Гурвича в Рижском николаевском лицее — «учителю и другу, многоуважаемому и дорогому Михаилу Андреевичу Шебуеву» (Там же).

прослеживается, например, в двух небольших работах, которые Гурвич посвятил творчеству учителя.

Речь идет об опубликованных в «Современных записках» рецензии на «Энциклопедию права» Тарановского и некрологе, подготовленном Гурвичем. Так, характеризуя вышедшую в 1917 г. и переизданную в 1923 г. в Праге работу Ф.В. Тарановского, Гурвич отмечает ее как лучшую в отечественной теории права, поскольку она дает цельный социоисторический образ права, вполне совместимый с представлениями о праве как о нормативном и социопсихическом явлении⁸⁶. Мыслитель отмечает как сильную сторону теории Тарановского попытку создания интегральной правовой теории, соединяющей идеалистический и позитивистский подходы, которую ученик все же частично критикует «с точки зрения чистоты философских принципов»⁸⁷. Вместе с тем нужно признать, что такая критика касалась вторичных элементов правовой концепции Тарановского, к мнению которого Гурвич склонялся при критике базисных положений психологической концепции права другого университетского наставника — Л.И. Петражицкого⁸⁸.

Для того чтобы убедиться в близости правовых концепций двух мыслителей, можно сравнить их определения права. Так, основными признаками права, по Тарановскому, являются: 1) двусторонний, императивно-атрибутивный характер регулирования; 2) установленность внешним авторитетом в социальной среде; 3) сочетаемость с возможностью принуждения; 4) цель — сочетание индивидуальных и общественных интересов⁸⁹. Если взять определение права, даваемое Гурвичем почти через 50 лет⁹⁰, то становится очевидным, что мыслитель сохранил все существенные признаки определения права, предложенные учителем. Из других

---

⁸⁶ См.: Гурвич Г.Д. Рецензия на кн.: Проф. Ф.В. Тарановский. Энциклопедия права. 2-е изд., испр. и доп. 1923. Труды русских ученых за границей. Т. 4. Издательство «Слово». 425 с. // Современные записки. 1923. № 16. С. 445—446.

⁸⁷ Там же. С. 447.

⁸⁸ «Поскольку Петражицкий не рассматривал вопрос о ранжировании источников права соответственно создаваемым ими видам позитивного права, то понятной становится критика другого великого русского правоведа, Ф.В. Тарановского, который упрекал Петражицкого в претензиях на нахождение “новых источников” права в тех фактах, которые на самом деле являются трансформацией уже данных субъективных прав» (*Gurvitch G. Le temps présent et l'idée du droit social*. P. 287).

⁸⁹ См.: Гурвич Г.Д. Рецензия на кн.: Проф. Ф.В. Тарановский. Энциклопедия права... С. 445. Это определение дано в интерпретации Гурвича, чтобы продемонстрировать имеющуюся в 1923 г. общность представлений о праве учителя и ученика.

⁹⁰ «Право представляет собой попытку осуществить в данных социальных условиях идею справедливости (как примирения противоречивых духовных ценностей...) путем многостороннего императивно-атрибутивного регулирования, основанного на неразрывной связи между правопритязаниями и обязанностями; это регулирование обретает действительность через нормативные факты, которые придают регулированию социальную гарантию эффективности, и может в некоторых случаях обеспечить выполнение своих требований посредством заранее установленного внешнего принуждения, которое не предполагается как обязательное» (*Gurvitch G. Problèmes de la sociologie du droit // Traité de sociologie / G. Gurvitch (éd.). Vol. 2. Paris: PUF, 1960. P. 175; цит. по: Антонов М.В. Мир*

примеров общности принципов можно указать на схожую аргументацию в критике позитивизма и слабых сторон индивидуализма психологической теории Петражицкого, в историко-социальном подходе к праву⁹¹.

На страницах своих работ, написанных в период эмиграции, Гурвич не говорит о связи его правовой теории с работами учителя, чье творчество было практически неизвестно в западноевропейской правовой науке (за исключением сферы истории права славянских народов, где Ф.В. Тарановский был признанным научным авторитетом). Однако характеристика творчества учителя со стороны Гурвича, вкупе с иными случаями цитирования или упоминания им Тарановского⁹², дает основания полагать, что влияние этого знаменитого ученого не ограничилось только годами обучения Гурвича в Юрьевском университете, но продолжилось и в последующие годы⁹³. Об этом мыслитель подспудно говорит и в некрологе, посвященном памяти учителя⁹⁴. После переезда в Петроград Гурвич не прекращал общение со своим наставником из Юрьевского университета и в годы гражданской войны принимал деятельное участие в судьбе Тарановского, о чем свидетельствует переписка с другим знаменитым представителем Юрьевского университета — В.Э. Грабарем.

Одно из возможных следствий этого влияния Ф.В. Тарановского⁹⁵ можно видеть в решении Гурвича о переводе после столь успешной защиты в 1915 г. из

права Г.Д. Гурвича // Гурвич Г.Д. *Философия и социология права*. Избр. соч. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2004. С. 33).

⁹¹ Гурвич Г.Д. Памяти проф. Ф.В. Тарановского // *Современные записки*. 1936. № 60. С. 458.

⁹² Так, в выпускной работе 1917 г. Гурвич благодарит «глубокоуважаемого дорогого учителя» за «любезные личные указания», которые Тарановский дал своему ученику в ходе подготовки диссертации (*Гурвич Г.Д.* Руссо и Декларация прав. Идея неотчуждаемых прав личности в политической доктрине Руссо. Петроград: Изд-во Вольфа, 1918. С. 35).

⁹³ Характерно, что сразу после кончины своего наставника Гурвич стал одним из организаторов (вместе с П.Н. Милюковым и Д.М. Одинцом) конференции по творческому наследию Тарановского, состоявшейся в Париже в рамках Русского академического союза 8 апреля 1936 г.: «Ф.В. Тарановский как теоретик и историк права Восточной Европы» (см.: *Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940* Франция: в 4 т. / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж; М.: УМСА-Press; ЭКСМО, 1995–1997. Т. 3. С. 186).

⁹⁴ См.: *Гурвич Г.Д.* Памяти проф. Ф.В. Тарановского. С. 458–460.

⁹⁵ В том же 1915 г. Тарановский также получает предложение о переводе на профессорскую должность в Петроградском университете, которое он отклоняет в качестве протеста против вмешательства властей в академическую свободу, требуя избрания, а не назначения на профессорскую должность. Это не помешало ему 1 октября 1915 г. дать своему ученику рекомендательное письмо для Петроградского университета (Личное дело Г.Д. Гурвича в Фонде Петроградского университета (1915–1917)). Только с учетом перемен в академической сфере после революции 1917 г. сам Тарановский принимает предложение о работе в Петроградском университете. См. об этом: *Гурвич Г.Д.* Памяти проф. Ф.В. Тарановского. С. 459–460; Дело об избрании Ф.В. Тарановского ординарным профессором на кафедре русского права. 8 апреля 1917 г. — 16 июня 1918 г. ЦГИА СПб, Фонд Петроградского университета. Ф. 14. Оп. 27. Д. 73; *Михальчик Р.* История сербского права в трудах Федора Тара-

Юрьевского университета на юридический факультет Петроградского университета для продолжения учебы. Официальной причиной стали военные действия, которые в 1915 г. шли уже совсем рядом с Юрьевым, что заставило Д.Н. Гурвича перевести свои дела в Петроград. Его сын с отличием окончил уже три курса университета, и только переезд отца по делам службы заставил молодого Гурвича 10 августа 1915 г. подать прошение о переводе⁹⁶, подкрепленное официальным письмом отца от имени возглавляемого им Русско-Азиатского банка⁹⁷. Тем не менее первичное прошение было отклонено за недостатком мест в Петроградском университете, и только по второму прошению⁹⁸, с учетом «экстраординарной ситуации» и, видимо, не без вмешательства отца, Георгий Гурвич был принят в число студентов юридического факультета⁹⁹.

К сожалению, осталось очень мало свидетельств интеллектуального общения между Гурвичем и другим выдающимся представителем Юрьевского университета и наставником молодого ученого — А.С. Ященко, которые позволили бы говорить об определенном влиянии идей последнего на интеллектуальное формирование первого. Можно констатировать лишь следующее: Гурвич слушал лекции Ященко в Юрьевском университете¹⁰⁰, оба переехали из Тарту в Петроград в 1915 г.¹⁰¹ и поддерживали контакты не только в России, но и после эмиграции в Германию¹⁰². Возможно, эти обстоятельства, наряду с общностью принципов русской философско-правовой традиции, идущей от В.С. Соловьева, отчасти объясняют определенное сходство синтетической теории права Ященко и социально-правового учения Гурвича.

новского // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 223–224; *Спекторски Е.* Жизнь и личность профессора Теодора Тарановско // Архив за правне и друштвене науке. 1936. № 22. С. 218.

⁹⁶ Личное дело Г.Д. Гурвича в Фонде Юрьевского университета (1912–1915)... Ед. хр. 1.27.

⁹⁷ Письмо директора Русско-Азиатского банка Д.Н. Гурвича министру народного образования от 8 августа 1915 г. Личное дело Г.Д. Гурвича в Фонде Петроградского университета (1915–1917).

⁹⁸ Прощение Г.Д. Гурвича на имя ректора Петроградского университета от 10 сентября 1915 г. Личное дело Г.Д. Гурвича в Фонде Петроградского университета (1915–1917)... Ед. хр. 5.

⁹⁹ Письмо Министерства народного просвещения от 24 августа 1915 г., направленное одновременно в Петроградский университет и в Русско-Азиатский банк. Личное дело Г.Д. Гурвича в Фонде Петроградского университета (1915–1917).

¹⁰⁰ Помимо лекций А.С. Ященко, Гурвич слушал также лекции Ф.В. Тарановского, М.Е. Красножена, Л.А. Шалланда, М.И. Догеля, П.П. Пусторослева, А.И. Фрейтаг-Лоринговена, А.С. Невзорова (Зачетная книжка Г.Д. Гурвича. Личное дело Г.Д. Гурвича в Фонде Юрьевского университета (1912–1915)... Ед. хр. 1.18–1.24).

¹⁰¹ Ященко, Грабарь и другие видные профессора Юрьевского университета также были вынуждены решить вопрос о переходе в Петроградской университет в связи с опасностью, которую несли приближающиеся военные действия (см.: *Исаков С.Г.* Молодые годы знаменитого социолога. Запоздалая юбилейная статья... С. 28–29).

¹⁰² Ср. переписку Г.Д. Гурвича и А.С. Ященко (Гуверовский институт при Стэнфордском университете. Коллекция Б.Н. Николаевского. Картон 24).

2. Петербургский период и влияние революции 1917 г.

По поступлении на юридический факультет Петроградского университета Гурвич слушает лекции таких видных специалистов, как М.М. Ковалевский, А.А. Пиленко, П.И. Люблинский, И.А. Покровский, В.Ю. Тутрюмов и др., продолжает с отличием проходить экзаменационные испытания¹⁰³ и весной 1917 г. подходит к защите своей дипломной работы¹⁰⁴. Эта работа была посвящена общему анализу политической доктрины Ж.-Ж. Руссо и в своем первоначальном виде не представляла особого научного интереса¹⁰⁵, хотя в ней и ставилась задача «как можно глубже проникнуть в воззрения Руссо, освещая их если не новым светом, то, во всяком случае, таким, при котором не бросались бы в глаза его софизмы и парадоксы»¹⁰⁶. Студенческое сочинение Гурвича давало общий очерк политических взглядов Руссо, оценку их идеологической и методологической основ и имело скорее дескриптивный, чем аналитический характер¹⁰⁷. Вместе с тем автором

¹⁰³ Зачетная книжка Г.Д. Гурвича. Личное дело Г.Д. Гурвича в Фонде Петроградского университета (1915–1917)... Ед. хр. 23–31.

¹⁰⁴ В поздних досье времен эмиграции Гурвич указывает на «10 октября 1917 г., накануне Революции» как на дату защиты своей дипломной работы о Руссо (Автобиография Г. Гурвича. Личное дело Г. Гурвича в Фонде Академии Парижа // Национальный архив Франции. Фонд АЖ 16 6015). Однако эта датировка вступает в противоречие с архивными данными, из которых следует, что диплом об окончании обучения в Петроградском университете Гурвич получил уже 13 апреля 1917 г. (Зачетная книжка Г.Д. Гурвича. Личное дело Г.Д. Гурвича в Фонде Петроградского университета (1915–1917)... Ед. хр. 25) и тем самым окончил обучение на юридическом факультете. Нужно также отметить, что научный руководитель исследования Гурвича Л.И. Петражицкий покинул Россию в сентябре 1917 г. и поэтому не мог бы участвовать в защите в октябре. С учетом этих противоречий можно предположить, что много лет спустя Гурвич перепутал дату своей защиты, поставив 10 октября вместо 10 февраля. Подобные ошибки часто встречаются в автобиографиях, которые Гурвич представлял в официальные учреждения Франции.

¹⁰⁵ В ЦГИА хранится анонимная работа, объемом 112 страниц, озаглавленная «Политическая доктрина Ж.-Ж. Руссо» (рукопись анонимной студенческой работы «Политическая доктрина Ж.-Ж. Руссо» в Фонде Петроградского университета (1915–1917) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 155). Она была подготовлена и представлена в период 1900–1918 гг. (предельные даты работ, хранящихся в данном фонде), научным руководителем работы был Л.И. Петражицкий. Принимая во внимание такие совпадения, как общность тематики и названия работы, приблизительные даты защиты, научное руководство Петражицкого, можно сделать вывод о том, что эта анонимная работа принадлежит перу Гурвича.

¹⁰⁶ Гурвич Г.Д. Политическая доктрина Ж.-Ж. Руссо. С. 1.

¹⁰⁷ Автор рукописи так характеризует основные черты своей работы: «сосредоточенность на отдельных принципах доктрины Руссо и поэтому отсутствие цели составить общий взгляд на политическую теорию женевого мыслителя» (Политическая доктрина Ж.-Ж. Руссо. С. 4). В работе предлагалось «простое повторение правильных выводов других авторов... из-за нежелания повторять справедливые чужие мысли, воображая их своими собственными» (Там же. С. 23) и даже произвольный выбор из идей Руссо того, «что совпадало с общими воззрениями Руссо... сглаживание или додумывание противоречий ради

был выдвинут ряд ключевых идей, которые позднее будут развиты в других работах: идея свободы как отказ от естественной свободы в пользу свободы правовой¹⁰⁸, предположение необходимости нравственного совершенствования для достижения совершенства правового¹⁰⁹ — идеи, которые нуждались в более глубокой теоретической разработке и доказательстве.

Эта задача была успешно выполнена молодым Гурвичем в опубликованной спустя год (1918) дополненной версии своей выпускной работы¹¹⁰ — «Руссо и Декларация прав. Политическая доктрина Ж.-Ж. Руссо», где автор предпринимает анализ доктрины Руссо в связи с принципами Декларации прав и свобод 1789 г. Однако эту печатную версию автор рассматривал как промежуточный этап¹¹¹, как «статью», предвещающую последующую более полную работу о политической доктрине Руссо¹¹². Несмотря на существенные стилистические различия, две работы — рукопись 1917 г. и издание 1918 г. — связывает общность исходных тезисов: общественный договор для Руссо был не способом подчинения индивида коллективу, а формой отказа от произвола с целью приобретения правовой свободы; естественное право, по Руссо, не существует в природе и появляется только с возникновением гражданского состояния после заключения общественного договора; инстинктивное право в доктрине Руссо не является собственно правом и обозначает естественные возможности «несоциализированного» человека.

Эти идеи давали молодому исследователю возможность объяснить происходящие на его глазах перемены в российском обществе и сконструировать принципы своей собственной научной теории, в основу которой в те годы были положены концепции Руссо и другого французского мыслителя — Прудона¹¹³. Подтверждение своих интуитивных догадок об идеальном векторе общественной жизни и о существовании догосударственного правового общения на почве общих правовых ценностей Гурвич находит в руссоистской теории общей воли, составляющей основу правового и всякого социального общения. Мыслитель дополняет идеями Руссо свои представления об обществе как о тотальности, восприятие которой дано на уровне коллективной интуиции (ориентация Руссо на индивидуальное сознание как на основу права послужило главным мотивом критики Гурвичем теории французского мыслителя). И уже на этой почве формируется критический подход молодого ученого к идеям Прудона и Фихте, на которых он выстраивает впоследствии свою идеал-реалистическую концепцию общества и права.

достижения задуманного» (Политическая доктрина Ж.-Ж. Руссо. С. 108–109). Отметим, что критики опубликованной в 1918 г. работы Гурвича о Руссо упрекали автора в тех же недостатках (см. ниже).

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 55–56.

¹⁰⁹ См.: Там же. С. 112.

¹¹⁰ Гурвич Г. Д. Руссо и Декларация прав. Идея неотчуждаемых прав личности в политической доктрине Руссо.

¹¹¹ «Только неожиданно появившаяся возможность публикации заставила автора опубликовать эту работу» (Там же. С. 1).

¹¹² См.: Там же.

¹¹³ См.: Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde... P. 5.

Молодой мыслитель формулирует ту проблематику, которая становится центральной для его социально-правовой доктрины: нахождение баланса между целым и его частями, между обществом и индивидами. И поэтому именно учение французского мыслителя об общей воле привлекает особое внимание исследователя. «Концепция общей воли Руссо поразила меня, — пишет Гурвич в своем автобиографическом очерке, — тем, что она противопоставлялась не только воле большинства, но и воле всех, и оказывалась тождественной у всех индивидов постольку, поскольку они возрождались к новой жизни благодаря социальному договору»¹¹⁴. Целью своего исследования Гурвич ставит «доказать, что Руссо не только не является проповедником абсолютизма и, следовательно, отрицателем неотъемлемых естественных прав индивида, но, наоборот, — горячим и последовательным их защитником»¹¹⁵. Эта работа, написанная в разгар революционных событий, была выполнена на высоком уровне и привлекла к себе внимание ведущих специалистов. Так, она удостоилась рецензий Н.И. Кареева и П.И. Новгородцева¹¹⁶.

По мнению Гурвича, видимое противоречие снимается при более подробном анализе: по Руссо, до вступления индивидов в социальное состояние право как таковое не существует — существует только сила этих индивидов. Лишь общество делает возможным возникновение права, в том числе и индивидуальных прав. Поэтому при возникновении общества индивиды не отрекаются от своих прав, а, наоборот, утверждают их. Избежать противоречия позволяет разделение двух терминов, которые ввел Руссо: естественное инстинктивное право и естественное разумное право; только последнее может называться правом в собственном смысле. Общество и право возникают одновременно, и поэтому, повинувшись общей воле, индивиды повинуются в конечном счете себе самим — собственной разумной воле¹¹⁷.

Не включаясь в дискуссию, которую инициировали рецензенты работы Гурвича по поводу того, принадлежали эти положения Руссо или же были сконструированы самим Гурвичем¹¹⁸, необходимо отметить, что данные представления о

¹¹⁴ Ibid. P. 6.

¹¹⁵ Гурвич Г.Д. Руссо и Декларация прав. Идея неотчуждаемых прав личности в политической доктрине Руссо. С. 21.

¹¹⁶ Кареев Н.И. Гурвич Г.Д. Руссо и Декларация прав (рецензия). Октябрь 1918 г. Рукопись // НИОР РГБ. Ф. 119. Картон 43. Д. 13; Новгородцев П.И. Новое истолкование политического учения Руссо // Русская книга. 1922. № 4. С. 5.

¹¹⁷ См.: Гурвич Г.Д. Руссо и Декларация прав. Идея неотчуждаемых прав личности в политической доктрине Руссо. С. 28 и след.

¹¹⁸ См. вышеназванные исследования Кареева и Новгородцева, а также критические ремарки в работе: Бицилли П.М. J.-J. Rousseau et la Démocratie // Годишник на Софийския университет. 1928. Кн. 24. С. 20–24. Если первые два автора более или менее сдержанны в своих комментариях, говоря о вышеуказанной тенденции работы Гурвича, то Бицилли прямо выражает недоумение по поводу метода исследования своего коллеги; искажения текста, случайные, вырванные из контекста фразы, опущенные слова при цитировании — все это, по мнению критика, свидетельствовало о том, что Гурвич стремился во что бы то ни стало выдать свои идеи за идеи Руссо (Ibid. С. 20). Поэтому вывод Бицилли категоричен:

правогенезе неоднократно повторяются в более поздних работах русского мыслителя. Речь идет о таких идеях, как констатация одновременного возникновения права и общества; спонтанное рождение права, независимое от наличия тех или иных социальных институтов и организаций; критика правового индивидуализма (в данном случае — у Руссо); независимость права от государства и т.д.¹¹⁹ Но в работе 1918 г. мы все же имеем дело с интерпретацией идеи Руссо преимущественно в аспекте идеалистической философии права¹²⁰.

Несмотря на заверения во вводной части этой вышедшей в 1918 г. работы в подготовке более обширного исследования о Руссо, Гурвич более не возвращался к данному научному проекту. Каковы же могли быть причины? Выше уже было показано, что Гурвич принимал самое деятельное участие в политической жизни, входил в партийные структуры большевиков, меньшевиков, эсеров¹²¹, но после Октябрьской революции он практически полностью отстраняется от политики и посвящает себя исключительно научным исследованиям¹²². С учетом логики развития мировоззрения молодого человека можно предположить, что именно первоначальный политический оптимизм подтолкнул Гурвича к выбору политической доктрины Руссо в качестве темы своей выпускной работы¹²³. Непосредственное участие в революционных событиях 1917 г. не дало молодому

«Открытия г-на Гурвича доказывают как раз противное тому, что он пытался доказать» (*Биццлли П.М. J.-J. Rousseau et la Démocratie. С. 22*).

¹¹⁹ Гурвич Г.Д. Руссо и Декларация прав. Идея неотчуждаемых прав личности в политической доктрине Руссо. С. 51 и след.

¹²⁰ Это признает и сам Гурвич в 1922 г.: *Gurwitsch G. Übersicht der neueren rechtsphilosophischen Literatur in Russland // Philosophie und Recht. 1922. Bd. 2. S. 125*.

¹²¹ Вряд ли можно рассматривать факт принадлежности молодого мыслителя к различным социал-демократическим партиям как свидетельство того, что основу его концепций составляла марксистская идеология — эту точку зрения отстаивает в своих многочисленных работах американский исследователь Ричард Сведберг (см., например: *Swedberg R. Georges Gurvitch. A Study of the Relationship between Class Strategy and Social Thought; Idem. Georges Gurvitch: The Unhappy Positivist; Idem. Sociology as Disenchantment: The Evolution of the Work of Georges Gurvitch. N.Y.: Humanities Press, 1982*). В этом плане скорее нужно согласиться с Жаном Дювиньо, который отмечал, что в те годы «Гурвич не был собственно ни меньшевиком, ни большевиком — просто его мировоззрение было воспламенено идеей социальной демократии» (*Duvignaud J. L'oublié ou la chute des corps. Arles, 1995. P. 137*).

¹²² «Непосредственно перед революцией оставляет политическую деятельность и становится беспартийным социалистом», — так характеризует Б. Миркин-Гецевич политическую позицию Гурвича со слов последнего (анкета собеседования Б. Миркина-Гецевича с Г.Д. Гурвичем от 15 апреля 1928 г.).

¹²³ Вот какую характеристику он дает Руссо в своей дипломной работе: «Руссо — это народный трибун, Руссо — воплощенный протест угнетаемых, Руссо — зеркало, отражающее в своих противоречиях противоречия общества, в котором дела расходились со словами, Руссо — глашатай нравственного стремления к возрождению, Руссо — будильник, заведенный рукой усыпленной, но еще не уснувшей совести, словом, Руссо — все для жизни и ничто для теории» (см. рукопись анонимной студенческой работы «Политическое учение Ж.-Ж. Руссо», автором которой предположительно является Г.Д. Гурвич, в Фонде Петроградского университета (1915–1917). С. 110).

му ученому¹²⁴ возможности подготовить глубокое научное исследование и заставило ограничиться работой собственно студенческого уровня¹²⁵, которая, тем не менее, была успешно защищена, о чем свидетельствует отметка «весьма удовлетворительно», поставленная на титульном листе этой работы Л.И. Петражицким. В дипломной работе интерес молодого ученого, принимавшего непосредственное участие в Революции 1917 г., был сосредоточен на практической и политической сторонах творчества Руссо, тогда как в опубликованной год спустя работе он кардинально меняет акцент своего исследования и ставит своей целью изучить творчество Руссо, намеренно абстрагируясь от политических выводов из теории французского мыслителя¹²⁶. Именно невозможность вычленив мысли Руссо из того политического контекста, в котором они были сформулированы и находили свое применение, составляла, по мнению Гурвича, недостаток предшествующих исследований¹²⁷, к числу которых он относил и свою студенческую работу 1917 г. Резкая смена практической установки на установку сугубо теоретическую демонстрирует глубину эмоционального кризиса молодого ученого, пережившего разочарование в идеалах революции.

Крах этих идеалов, ставший очевидным после большевистского переворота¹²⁸, привел молодого Гурвича к устранению от политики. Одновременно пропадает и интерес к политическим построениям Руссо — этого «приверженца демократического синтеза в политике»¹²⁹, — которые отныне занимают Гурвича не

¹²⁴ «Переодетый террорист», как позднее охарактеризует свою политическую позицию в те годы сам Гурвич (*Duvignaud J. Georges Gurvitch: symbolisme social et sociologie dynamique. Paris: Seghers, 1969. P. 183; Idem. Mort du Professeur Georges Gurvitch // Le Monde. 14 décembre 1965*). В своих выступлениях на конгрессе 1965 г. в Брюсселе (который состоялся за месяц до смерти мыслителя) Гурвич также говорит о своем непосредственном участии в революции — он был одним из организаторов заводских советов на Путиловском заводе в Петрограде (*Gurvitch G. Proudhon et Marx // L'actualité de Proudhon. Colloque des 24 et 25 novembre 1965. Bruxelles, 1967. P. 96*). Интересно отметить, что владелец завода А.И. Путилов был учредителем и владельцем Русско-Азиатского коммерческого банка, который возглавлял Д.Н. Гурвич.

¹²⁵ Об этом свидетельствуют и признания Гурвича в том, что он оставил университетские занятия, бросившись в революционные события (*Durry M. Nécrologie: Georges Gurvitch (1894–1965) // Annales de l'Université de Paris. 1966. No. 66/2. P. 184; Roux Y. Le choix de Gurvitch... P. 49*). Об отношении молодого человека к происходящим событиям можно судить и по его более позднему письму: как пишет Гурвич своему ученику Ж. Дювиньо, узнав о падении царизма, в чем, будучи молодым, «принял самое деятельное участие», он «плакал от радости» (письмо Г. Гурвича Ж. Дювиньо от 4 ноября 1961 г. // Фонд Ж. Дювиньо (Дело Г. Гурвича). DVG2. Cote 03. Institut Mémoires de l'Édition Contemporaine (Арденнское аббатство. Нижняя Нормандия. Франция)).

¹²⁶ *Гурвич Г.Д. Руссо и Декларация прав. Идея неотчуждаемых прав личности в политической доктрине Руссо. С. 4 и след.*

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ *Gurvitch G. L'effondrement d'un mythe politique: Joseph Staline // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1962. Vol. 33. P. 6–7.*

¹²⁹ *Gurvitch G. Le principe démocratique et la démocratie future // Revue de Méthaphysique et de Morale. 1929. No. 36. P. 417.* Основными ошибками политической доктрины француз-

с точки зрения их практической применимости, а исключительно в ракурсе их теоретического значения для развития представлений о праве. Поэтому показательно, что в заключение работы о Руссо Гурвич формулирует проблему, которая становится центральной для его политико-правовых изысканий в последующие годы — вопрос о «нахождении синтеза между государством и индивидом... для описания формулы которого необходимы новые философские понятия, которых еще не знал век XVIII»¹³⁰. Задачей философии права XX в., по мнению молодого ученого, как раз и было формулирование такого демократического синтеза¹³¹. Этой задаче он впоследствии посвятил свои работы философско-правового цикла. Политическую философию Руссо в данном аспекте мыслитель считал «первым выражением настоящей идеологии демократии... синтезом свободы и равенства на началах народовластия, гарантия которого — в суверенитете права»¹³².

В годы революции политическая доктрина Руссо и вообще построения французских мыслителей эпохи Революции 1789 г. привлекали внимание многих русских исследователей, в частности, молодых философов, группировавшихся вокруг Л.И. Петражицкого (П.И. Сорокин, Н.С. Тимашев, М.Я. Лазерсон, С.И. Гессен и др.). Несомненно, что участие Георгия Гурвича в деятельности этого кружка стало значимым фактом в его интеллектуальной «биографии»¹³³. Не поднимая вопрос о существовании школы Петражицкого как институционального единства¹³⁴, все же можно констатировать, что молодые ученые, участвовавшие в деятельности кружка философии права этого великого ученого, усвоили ряд общих принципов, которые впоследствии были развиты каждым из них.

Так, Н.С. Тимашев пишет о принципах и значении школы Петражицкого, общих для него, Гурвича и Сорокина, хотя и понятых каждым по-своему: 1) изучение права должно основываться на исследовании социальных фактов, но не абстрактных идей; 2) для того, чтобы понять сущность права, необходимо обратиться к изучению внутренней мотивации человеческого поведения; 3) право и мораль являются высшими этическими явлениями¹³⁵. Эти принципы в той или

ского мыслителя Гурвич считал механицизм и атомизм, характерные для учения об общей воле и сформулированные вполне в духе рационалистической философии Просвещения (Гурвич Г.Д. Руссо и Декларация прав. Идея неотчуждаемых прав личности в политической доктрине Руссо. С. 100).

¹³⁰ Там же. С. 100.

¹³¹ См.: Там же.

¹³² *Gurvitch G. Democracy as a Sociological Problem // Journal of Legal and Political Sociology. 1942. No. 1. P. 47–48.*

¹³³ См., например: *Laserson M. La sociologie russe // G. Gurvitch, W. Moore (eds). La Sociologie au XXème siècle. Paris, 1947. T. 2. P. 678.*

¹³⁴ Вопрос о Петербургской школе философии права был поставлен исследователями новой эпохи (Поляков А.В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2. С. 4–23; Пяткина С.А. Л.И. Петражицкий и его эмоционалистская школа в системе правовых идей отечественной юриспруденции. М., 2000).

¹³⁵ *Timasheff N.S. Growth and Scope of Sociology of Law // Modern Sociological Theory in Continuity and Change / Н. Becker, А. Boskoff (eds). N.Y., 1957. P. 432.* Здесь используется ори-

иной форме действительно присутствовали в правовом учении Гурвича, который не отрицал факта их заимствования у Петражицкого¹³⁶. Сам Тимашев называет три основных пункта, где он, Гурвич и Сорокин следуют идеям Петражицкого: признание императивно-атрибутивного характера правовых норм; использование теории нормативных фактов; идея независимости права от возможности внешнего принуждения¹³⁷.

Что же касается параллелей между взглядами Гурвича и Петражицкого, то мыслитель отнюдь не скрывал родства принципов своего правового учения с принципами правовой доктрины основателя психологической теории права, на что неоднократно обращали внимание критики¹³⁸. Достоин внимания тот факт, что Гурвич подготовил несколько статей и разделов в книгах, посвященных анализу взглядов Петражицкого¹³⁹. Здесь мыслитель прямо говорит о сделанных им заимствованиях, об общности исходных позиций и принципов, хотя и не оставляет без критики взгляды своего наставника (упрекая последнего за психологизм, индивидуалистический подход к изучению социопсихической действительности и пренебрежение нормативным характером права)¹⁴⁰.

Так, в статье, посвященной памяти Петражицкого, Гурвич прямо говорит о том, что его докторская диссертация об идее социального права (к тому времени уже подготовленная и защищенная через год, в 1932 г.) представляет собой не что

гинальный вариант данной работы. Ср. пер. на рус. яз.: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 487–488.

¹³⁶ Более подробно об использовании Гурвичем идей и принципов Петражицкого см.: Гурвич Г.Д. Идея социального права... С. 134–140; Он же. Юридический опыт и плюралистическая философия права... С. 339–352.

¹³⁷ *Timasheff N.S. Growth and Scope of Sociology of Law...* P. 431. См. аналогичную точку зрения другого воспитанника школы Петражицкого Максима Лазерсона: Лазерсон М. Петражицкий как творец науки права // Сегодня (Рига). 1931. № 139; Он же. Die Russische Rechtsphilosophie // Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. 1932/1933. Bd. 26. S. 317–318.

¹³⁸ Например, М. Лазерсон указывает на то, что «Гурвич не избежал существенного влияния со стороны позитивистской теории права Петражицкого. Это ясно можно видеть на примере разграничения морали и права, которое Гурвич изложил в своей объемной работе на французском языке» (*Laserson M. Die Russische Rechtsphilosophie...* S. 317).

¹³⁹ См., например: *Gurvitch G. Une philosophie intuitionniste du droit: Léon Petrasizky // Archives de Philosophie du Droit et de Sociologie Juridique.* 1931. No. 1. P. 403–420; *Idem.* La théorie du «droit positif» et de la multiplicité infinie des sources du droit positif du savant russe Léon Petrazitsky // *Gurvitch G. Le temps présent et l'idée du droit social.* Paris, 1931. P. 279–294; Гурвич Г.Д. Л.И. Петражицкий как философ права // Современные записки. 1931. № 47; *Gurvitch G. Petrazitsky, Lev Iosifovich (1867–1931) // Encyclopaedia of the Social Sciences / E.R.A. Seligman, A. Johnson (eds). Vol. XII. N.Y., 1934. P. 188; Гурвич Г.Д. Интуитивистская философия права: Лев Иосифович Петражицкий // Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права... С. 339–352. О значимости идей учителя говорит то, что в марте 1932 г. в Париже Гурвич прочитал французским студентам лекцию «Правовая теория Л.И. Петражицкого» (см.: Русское зарубежье... Т. 2. С. 287), стремясь тем самым популяризировать взгляды Петражицкого во Франции.*

¹⁴⁰ Гурвич Г.Д. Л.И. Петражицкий как философ права...

иное, как «попытку включения идей Петражицкого в более широкую систему»¹⁴¹. С.И. Гессен согласился с такой оценкой работы своего друга, но отметил, что эта «попытка» осталась незавершенной¹⁴². Однако именно идеи Петражицкого послужили почвой для правовой теории Гурвича, дополнившего эти идеи элементами концепций Бергсона, Прудона и феноменологов — «смесью, которая оказалась не по душе коллегам Гурвича»¹⁴³.

Гурвич настаивает на том, что в теории Петражицкого уже были заложены основы, которые делали необходимым преодоление «узости психологического подхода к праву» за счет анализа социальных аспектов правового феномена¹⁴⁴. В качестве таких основ мыслитель называет стремление к преодолению противоположности между эмпиризмом и идеализмом в идее «экспериментальной, опытной метафизики»¹⁴⁵ права, основанного на императивно-атрибутивных эмоциях¹⁴⁶; отказ от противопоставления права и морали; преодоление юснатурализма и юридического позитивизма в учении об интуитивном праве¹⁴⁷, которое одновременно является и позитивным, поскольку основано на конкретных социопсихических отношениях¹⁴⁸.

Влияние Петражицкого сказывается в уже упомянутой выпускной работе Гурвича, в которой учение о праве Руссо получает трактовку, близкую к пониманию права основателем психологической школы¹⁴⁹. Особенно это заметно на примере учения об интуитивном праве, зачатки которого молодой Гурвич находит в некоторых туманных фразах Руссо, реконструируя это учение на свой страх и риск¹⁵⁰. Гурвич развил положения своей выпускной работы о Руссо в опубликованной в

¹⁴¹ Гурвич Г.Д. Л.И. Петражицкий как философ права... С. 487.

¹⁴² «Жаль, что Гурвич не исследовал более детально взаимосвязь между своими идеями и идеями своих предшественников (О. фон Гирке, Л.И. Петражицкого, М. Ориу), с одной стороны, и немецких феноменологов — с другой» (*Hessen S. Zur Geschichte und Theorie des Sozialrechts // Zeitschrift für Rechtsphilosophie. 1932/1934. Bd. 6. S. 73*).

¹⁴³ *Laserson M. Die Russische Rechtsphilosophie...* S. 318. См. также: *Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, 1987. P. 283*.

¹⁴⁴ *Gurvitch G. La théorie du «droit positif» et de la multiplicité infinie des sources du droit positif du savant russe Léon Petrazitsky...* P. 293. А. Печеник также обратил внимание на этот аспект теории Гурвича (и Тимашева), который пытался преодолеть индивидуально-психологическую основу теории своего наставника за счет «переформулировки взглядов Петражицкого в социопсихологическом ракурсе» (*Peczenik A. Leon Petrazyski and the Post-Realistic Jurisprudence // Sociology and Jurisprudence of Leon Petrazyski / J. Gorecki (ed.). Chicago, 1975. P. 87*).

¹⁴⁵ Гурвич Г.Д. Л.И. Петражицкий как философ права... С. 481, 490–492.

¹⁴⁶ См.: Там же. С. 486–487.

¹⁴⁷ См.: Там же. С. 482.

¹⁴⁸ См.: Там же. С. 489.

¹⁴⁹ Гурвич Г.Д. Руссо и Декларация прав. Идея неотчуждаемых прав личности в политической доктрине Руссо. С. 87 и след.

¹⁵⁰ К вопросу о критике попытки Гурвича придать политическому учению Руссо контекст современных Гурвичу дебатов о сущности права и государства см.: *Кареев Н.И. Гурвич Г.Д. Руссо и Декларация прав [рец.]...*; *Новгородцев П.И. Новое истолкование политического учения Руссо...* С. 5; *Bizzilli P. J.-J. Rousseau et la Démocratie // Годишник на Софийския университет. Книга XXIV. С. 20–23*.

1922 г. статье «Идея неотчуждаемых прав личности в политических доктринах XVII—XVIII вв.»¹⁵¹. Здесь мыслитель разбирает вопрос о происхождении идеи неотчуждаемых прав. Отвергая варианты ее происхождения из мировоззренческих установок протестантизма, из философии Просвещения или из политических представлений английских индипендентов, Гурвич приходит к выводу о том, что основоположником этого учения был Руссо¹⁵². По мнению Гурвича, только учение о неразрывной связи неотъемлемых прав личности с идеалистической концепцией нравственности могло позволить теоретическое обоснование первых¹⁵³. Мыслитель отвечает и на критику, прозвучавшую в его адрес со стороны Новгородцева, отмечая, что абстрактный подход Руссо к идее права совсем не исключает идеалистического обоснования этой идеи¹⁵⁴.

После защиты выпускной работы о политической доктрине Руссо Гурвич остается при Петроградском университете, кроме того, он преподает во втором Педагогическом институте и работает ассистентом при кабинете государственных наук юридического¹⁵⁵ факультета университета¹⁵⁶. Летом 1918 г. он временно по-

---

¹⁵¹ Гурвич Г.Д. Идея неотчуждаемых прав личности в политических доктринах XVII—XVIII вв. // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1922. Т. 2. Вероятно, данная статья представляет собой письменную версию прочитанного Гурвичем в 1921 г. в Берлине доклада на русском языке «Идея неотчуждаемых прав личности» (Отчет о деятельности Русской академической группы в Берлине // Там же. С. 273). Вполне возможно, что первоосновой этой работы является пробная лекция Гурвича на тему «Идея неотчуждаемых прав человека в политических доктринах XVII—XVIII вв.», прочитанная им в июле 1920 г. на политико-юридическом отделении факультета общественных наук (в то время так назывался юридический факультет) Петроградского университета (Протокол заседания политико-юридического отделения факультета общественных наук Петроградского университета от 26 июля 1920 г. Фонд Петроградского университета. 1918—1924 // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб) (Ф. 7240. Оп. 14. Д. 85).

¹⁵² См. критические замечания И.В. Делевского, видевшего недостаток работы Гурвича в сосредоточении поиска первоисточника неотъемлемых прав личности исключительно в западноевропейской правовой традиции: *Дел-ски*. Труды русских ученых за границей. Берлин, 1922. Т. 2 // Современные записки. 1922. № 11. С. 390—391.

¹⁵³ Гурвич Г.Д. Идея неотчуждаемых прав личности в политических доктринах XVII—XVIII вв. ... С. 74. В данном аспекте Гурвич считал Канта и Фихте всего лишь продолжателями Руссо, развившими его учение о совести как идеальной основе права (Там же. С. 73—74; *Gurwitsch G. Kant und Fichte als Rousseau-Interpreten // Kantstudien*. 1922. Bd. 27. S. 138—164).

¹⁵⁴ Гурвич Г.Д. Идея неотчуждаемых прав личности в политических доктринах XVII—XVIII вв. ... С. 74. Критические замечания Новгородцева о невозможности синтеза позитивного и естественного права (*Новгородцев П.И.* Новое истолкование политического учения Руссо... С. 5), к сожалению, были оставлены Гурвичем без комментариев. Но эти замечания еще раз указывают на то, что главная идея правового учения Гурвича направлена на интеграцию знания о праве.

¹⁵⁵ С 24 января 1919 г. юридический факультет реорганизован большевиками в политико-юридическое отделение факультета общественных наук. См. по этому вопросу переписку между Петроградским университетом и Наркомпросом, а также решения этих органов (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 111).

¹⁵⁶ Данные взяты из письма Г.Д. Гурвича А.С. Ященко от 7 марта 1921 г. (Коллекция Б.Н. Николаевского). Подтверждение зачисления молодого ученого в преподавательский

кидает Петроград и почти год находится на подконтрольной белому движению территории — преподает энциклопедию права в университете Екатеринослава (Днепропетровска)¹⁵⁷. После возвращения в Петроград летом 1919 г. молодой ученый готовится к сдаче магистерских экзаменов. Отметим, что официально такие экзамены, равно как и другие «буржуазные атрибуты» науки — научные звания и степени, были отменены декретами от 1 октября 1918 г. и 1 января 1919 г. Поэтому сдача экзаменов и защита диссертаций проходила полуофициально, под названием «коллоквиумов» (здесь молодой Гурвич мог найти превосходный пример независимости права научного сообщества по отношению к официальному праву государства). После успешной защиты или сдачи экзаменов приемная комиссия, не имея возможности присудить соискателю научную степень, констатировала, что «коллоквиум прошел успешно»¹⁵⁸. Процесс сдачи магистерских экзаменов носил длительный характер; для Гурвича процесс сдачи экзаменов по государственному и международному праву растянулся с 8 марта по 5 июля 1920 г. После сдачи экзаменов молодой ученый прочел две пробных лекции: о пересмотре конституционных законов и о неотчуждаемых правах личности в политических доктринах XVII и XVIII вв., и 21 сентября 1920 г. был «окончательно закреплен за Петроградским университетом»¹⁵⁹.

После сдачи экзаменов и принятия осенью 1920 г. решения об оставлении Гурвича на преподавательской работе в университете¹⁶⁰ он получает неожиданное

состав кабинета государственных наук юридического факультета Петроградского университета можно найти в архивах университета (Список лиц, прикрепленных к юридическому факультету Петроградского университета в 1917 г. Без даты // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 660) и в последующих автобиографических справках Гурвича (анкета от 4 апреля 1944 г. // Фонд Г. Гурвича в Архивах Высшей школы социальных наук; анкета от 12 февраля 1932 г. Дело Г. Гурвича в Фонде Университета Парижа (1932–1965) // Национальный архив Франции. Cote F17 28495). На должность ассистента указанного кабинета Гурвич избран 6 октября 1919 г. (Протокол заседания политико-юридического отделения факультета общественных наук по вопросу избрания ассистентов кабинета государственных наук Г.Д. Гурвича и С.Б. Крылова от 6 октября 1919 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 85). Для подготовки к научному званию Гурвичу была предоставлена университетская стипендия со 2 октября 1917 г. по 1 января 1919 г. (Список лиц, прикрепленных к юридическому факультету Петроградского университета в 1917 г. Без даты. Фонд Петроградского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 660; письмо декана историко-филологического факультета в Правление Петроградского университета от 30 мая 1918 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 14).

¹⁵⁷ Анкета собеседования Б. Миркина-Гецевича с Г.Д. Гурвичем от 15 апреля 1928 г. Но увидев положение дел в белогвардейском движении, мыслитель «вновь становится левым» и по возвращении в Петроград больше не участвует в политике (Там же).

¹⁵⁸ Протокол заседаний политико-юридического отделения факультета общественных наук от 5 июля 1920 г. // ЦГА СПб. Фонд Петроградского университета. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 85. Детальное описание сложной процедуры сдачи магистерских экзаменов в Петрограде после прихода к власти большевиков можно найти в автобиографическом очерке П.А. Сорокина: *Сорокин П.А.* Мой долгий путь. Сыктывкар, 1991. С. 69–70.

¹⁵⁹ Протокол заседаний политико-юридического отделения от 21 сентября 1920 г. // ЦГА СПб. Фонд Петроградского университета. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 85.

¹⁶⁰ Вместе с тем нужно отметить, что Гурвич в отличие от своих коллег Н.С. Тимашева и П.А. Сорокина еще не был включен в списки профессорско-преподавательского состава

назначение в Томский университет¹⁶¹. Со стороны большевиков такие назначения в отдаленные города преследовали цель устранения «неблагонадежного» профессорско-преподавательского состава из двух столиц. Вследствие этого многим ученым приходилось временно преподавать в провинции. Так, ближайший друг Гурвича С.И. Гессен с 1919 г. работал в Томском университете, хотя в конце концов вынужден был оставить преподавание и возвратиться в Москву в силу «тяжелейших условий работы и жизни» в Томске¹⁶².

При таких обстоятельствах у молодого Гурвича не могло быть особого желания переезжать холодной зимой 1920 г. в далекий сибирский город, и, возможно, это назначение стало «последней каплей» в принятии молодым человеком окончательного решения об эмиграции (ранее он уже подавал прошение о командировке за границу с 15 августа 1920 г.¹⁶³). Ряд источников, базирующихся на воспоминаниях мыслителя, упоминают о политической позиции Гурвича¹⁶⁴, выступавшего против заключения Брест-Литовского мира, как о причине его вынужденной эмиграции¹⁶⁵. Другие биографические источники, равно как и при-

---

университета. См., например: План преподавания по политико-юридическому отделению на 1919/1920 гг. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 85.

¹⁶¹ Имеющиеся данные не позволяют с точностью ответить на вопрос о том, приступал ли Гурвич к преподаванию в Томском университете и выезжал ли он в этот сибирский город в 1920 г. График подготовки к магистерским экзаменам и к тому, чтобы остаться в Петроградском университете (вплоть до 21 сентября 1920 г. — даты принятия решения об оставлении на юридическом факультете Петроградского университета; см.: Протокол заседаний политико-юридического отделения от 21 сентября 1920 г.) с трудом позволил бы молодому ученому такую дальнюю и длительную командировку с учетом того, что уже в октябре 1920 г. он эмигрирует из России (анкета собеседования Б. Миркина-Гецевича с Г.Д. Гурвичем от 15 апреля 1928 г.). В одной из своих французских автобиографий Гурвич подтверждает, что был назначен на профессорскую должность в Томском университете, но «не приступал к осуществлению своих профессорских функций в связи с отъездом из России» (Автобиография Г. Гурвича. Без даты. Примерно начало 1932 г. Дело Г. Гурвича в Фонде Университета Парижа (1932–1965) // Национальный архив Франции. Cote F17 28495).

¹⁶² *Рогачевский А.И.* Curriculum vitae профессора С.И. Гессена // Русское еврейство за рубежом. М.; Иерусалим, 1994. Т. 3. С. 132.

¹⁶³ Это предложение было поддержано профессурой и руководством отделения, где преподавал Гурвич: ему дозволена научная командировка до августа 1922 г. (Протокол заседаний политико-юридического отделения от 26 июля 1920 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 85). Но воспользоваться этой официальной возможностью покинуть Советскую Россию молодой ученый не захотел или не смог.

¹⁶⁴ Гурвич впоследствии объяснял эмиграцию несогласием с политикой большевиков, в частности с заключением Брест-Литовского мира. См., например: *Durry M.* Nécrologie: Georges Gurvitch (1894–1965). P. 184; *Balandier G.* Evocation de Georges Gurvitch // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1993. No. 95. P. 229; *Bosserman Ph.* Dialectical Sociology: An Analysis of the Sociology of Georges Gurvitch. Boston: Extending Horizons, 1968. P. 13.

¹⁶⁵ *Roux Y.* Le choix de Gurvitch... P. 50; *Tiryakian E.A.* Georges Gurvitch (1894–1965) // The Social Science Encyclopedia. L., 1985. P. 348. В личной беседе с учеником П.А. Сорокина Э.А. Тириакином Гурвич утверждал, что эмигрировал под угрозой расстрела, которым ему грозил Ленин. Данную информацию, полученную от Гурвича в период его краткосрочного пребывания в США в начале 1960-х годов, Э.А. Тириакин подтвердил в личной

знания самого мыслителя на страницах его работ, указывают на разочарование Гурвича в идеалах революции и несогласие с политикой большевиков по подчинению советов централизованной власти и их постепенной трансформации в органы государственной власти¹⁶⁶. Однако молодой ученый не играл сколь-либо значимой роли в научной и политической жизни послереволюционной России, поэтому разногласия с политикой большевиков могли служить скорее мотивом, чем причиной эмиграции.

Общими же для большинства русских интеллектуалов причинами эмиграции были, с одной стороны, труднейшие условия жизни, а с другой — нестабильность, неуверенность в будущем и понимание того, что советская власть устанавливается «всерьез и надолго». Представляется, что скорее по этим причинам молодой Гурвич не принимает назначение на профессорскую должность в далекий Томский университет¹⁶⁷ и осенью 1920 г. «под видом латвийского беженца»¹⁶⁸ эмигрирует в Латвию, а затем в Германию. Эти события знаменуют поворотный пункт в эволюции ученого, который вынужден отныне искать научное признание не только и не столько в кругах русской научной интеллигенции.

Для понимания философско-правовой концепции Гурвича необходимо учитывать, что базовые принципы своих правового и социального учений он сформулировал еще в России, до 1920 г.¹⁶⁹ Основы правового учения Гурвича формировались в рамках русской академической культуры, предложившей молодому мыслителю несколько научных систем, элементы которых образовали интересный синтез уже в первых работах Гурвича, предоставляя ему возможность давать вполне зрелую оценку концепциям и идеям западноевропейских мыслителей. В первую очередь здесь нужно указать на метафизические основы права, которые ученый констатирует в факте связи права и ценностей. Но метафизика права Гурвича была только относительной (и в этом смысле нельзя согласиться с Р. Сведбергом,

---

беседе с автором этих строк на Конгрессе франкоязычных социологов 7 июля 2004 г. в Туре (Франция).

¹⁶⁶ *Gurvitch G. Libéralisme et Communisme — une réponse à M. Ramon Fernandez // Esprit. 1934. No. 2. P. 448; Idem. Proudhon et Marx... P. 96–97. См. также: Faye J.-P. Socialismes décentralisés et totalitaires // Les Lettres nouvelles. 1959. No. 7. P. 25. Именно в советах Гурвич видел осуществление своих политических идеалов, основанных на теории Прудона, и решительно возражал против превращения в Советском Союзе «профсоюзов и заводских советов в маскарад... в прикрытие для работы агентов власти». (Рукописный вариант ответов Г.Д. Гурвича на возможные ответы при защите его докторской диссертации в январе 1932 г. // Фонд Г. Гурвича в Архивах Школы высших социальных наук.)*

¹⁶⁷ См. выше: об отказе принять назначение, которое он считал «ниже своего достоинства» (*Durry M. Nécrologie: Georges Gurvitch (1894–1965). P. 184*), Гурвич говорил в ряде интервью. В частности, он подтверждает это обстоятельство в письме к М. Коренбаум, своей ученице и переводчице на английский его работ. См. отрывок из письма Гурвича к М. Коренбаум (октябрь 1963 г.), приведенный в ее предисловии к выходящему в свет в 1964 г. английскому переводу работы Гурвича: *Korenbaum M. Translator's Preface // Gurvitch G. The Spectrum of Social Time. Dordrecht: D. Reidel Publishing, 1964. P. IX.*

¹⁶⁸ Анкета собеседования Б. Миркина-Гецевича с Г.Д. Гурвичем от 15 апреля 1928 г.

¹⁶⁹ *Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde... P. 6.*

считавшим правовую теорию молодого Гурвича полностью идеалистической)¹⁷⁰ и корректировалась теми принципами эмпирического подхода к праву, которые он находил в теориях университетских наставников — Л.И. Петражицкого и Ф.В. Тарановского. У первого Гурвич заимствует видение права как психологического феномена, как формы общения, отвечающей определенным (наличие императивно-атрибутивной структуры) требованиям. Это воззрение становится одним из доминирующих в системе учения Гурвича о праве, однако он корректирует психологическую теорию Л.И. Петражицкого, опираясь на принципы правового учения Ф.В. Тарановского — видение права как коллективной социопсихической реалии.

Среди исторических факторов, оказавших влияние на формирование правовой концепции Гурвича, можно выделить два основных — возникновение новых форм общения (советы и т. п.) и свободное, интуитивное создание права в рамках отдельных социальных общностей¹⁷¹ — отношение к которым получило развитие в последующих работах мыслителя в аспекте соответственно концепций форм социальности и социального права¹⁷². Еще одним результатом влияния революционных событий является концепция социальной мобильности, которую Гурвич, как и многие его соотечественники (например П.А. Сорокин или Н.С. Тимашев), вынес из опыта событий 1917 г. Коллеги и ученики Гурвича не могли не заметить важности революционных событий в России для формирования научного мировоззрения мыслителя¹⁷³. Так, Ф. Боссерман указывает, что «социологическая программа Гурвича была рождена из того опыта, который он получил в годы революции»¹⁷⁴. Тот факт, что ученый не смог полностью интегрироваться в

¹⁷⁰ Swedberg R. *Sociology as Disenchantment: The Evolution of the Work of Georges Gurvitch*. P. 45.

¹⁷¹ На что указывает А. Хант: *Hunt A. The Sociology of Law of Gurvitch and Timasheff: A Critique of Theories of Normative Integration // Research in Law and Sociology / S. Spitzer (ed.). Greenwich: Jai Press, 1979. Vol. 2. P. 171.*

¹⁷² См. постановку этих проблем соответственно в двух основных работах Гурвича: *Gurvitch G. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 1. Paris, 1950; Idem. L'idée du droit social. Paris: Recuei Sirey, 1931.*

¹⁷³ В этом смысле А. Мендрас называет Гурвича «жертвой революции»: *Interview de F. Farrugia avec H. Mendras // Farrugia F. La reconstruction de la sociologie française (1945–1965)*. P. 95. Ж. Дювиньо, ученик Гурвича, отмечает, что Гурвич позиционировал себя во французской социологии как единственного свидетеля революции 1917 г. в России, и именно отсюда происходила основная линия его социологии (*Duvignaud J. Le prix des choses sans prix // Unitam. 1993. No. 6. P. 17*). Об огромном значении революции 1917 г. для Гурвича говорят многие современники мыслителя. См., например: *Ansart P. Les sociologies contemporaines. Paris, 1990. P. 11; Interview de F. Farrugia avec J. Duvignaud // Farrugia F. La reconstruction de la sociologie française (1945–1965). Paris, 2000. P. 236; Balandier G. Evocation de Georges Gurvitch... P. 229*. В другой работе Ж. Баландьё отмечает, что «русская революция была основой первого проекта социологии Гурвича; проекта, который мыслитель конструировал и реконструировал в течении всей жизни» (*Balandier G. Georges Gurvitch: sa vie, son œuvre. P. 6*).

¹⁷⁴ *Bosserman Ph. Georges Gurvitch et les durkheimiens en France, avant et après la Seconde Guerre mondiale // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1981. No. 70. P. 125*. См. также: *Bosserman Ph. Dialectical Sociology: An Analysis of the Sociology of Georges Gurvitch. P. 2–3*.

структуру французской социологии¹⁷⁵ и оставался в этом отношении «изгнанным из стада»¹⁷⁶, в немалой степени объяснялся тем опытом, который он пережил в Революцию 1917 г. Как признает сам Гурвич, ключевые концепты его социологической теории — гиперэмпиризм и свержрелятивизм, — встретившие столь широкое непонимание среди его французских коллег, были укоренены в опыте русской революции, в «участвующем наблюдении»¹⁷⁷ молодого ученого за этими событиями 1917–1920 гг. В этом смысле показательно признание, сделанное им через 45 лет. Критикуя альтернативные социологические теории, Гурвич подчеркивает значение именно экзистенциальных предпосылок их формирования и, в частности, намекая на свой жизненный опыт, говорит о том, что «непосредственное участие таких теоретиков в социальных потрясениях (революциях, войнах, политических движениях, профсоюзной деятельности) должно привести к состыковке социологической теории и социального опыта»¹⁷⁸.

Мыслитель неоднократно упоминал участие в русской революции как основной стимул для разработки своей социологической теории. Так, в автобиографическом очерке он рассказывает о принципах, сформулированных им в Петрограде: «Наблюдая, переживая различные реакции разных социальных слоев, групп, классов, социальных ячеек, советов, новых и старых организаций, присутствуя при практически полном разрушении старой социальной структуры, я сформулировал несколько идей, которые впоследствии служили мне ориентиром в моих социологических работах: 1) социальное право рождается спонтанно и независимо от государства и от государственного правопорядка и может состоять с этими последними в различных типах связи; 2) существуют глубинные уровни социальной действительности, чьи взаимосвязи и иерархические порядки находятся в процессе постоянного изменения; 3) социальная группа является микрокосмом форм социальности; 4) глобальное общество и социальные классы являются макрокосмом социальных групп; 5) существует возможность коллективного, негосударственного планирования, основанного на плюралистической экономической демократии и федералистической собственности»¹⁷⁹. Данная цитата наглядно демонстрирует роль революционных событий в становлении научной концепции молодого ученого¹⁸⁰.

---

¹⁷⁵ Clark T. N. Prophets and Patrons. The French University and the Emergence of the Social Science. N.Y., 1973. P. 230. Ален Турен в связи с этим справедливо говорит, что «проблема Гурвича — это проблема российского общества. И мог ли он избежать этого влияния, наблюдая, как обрушались социальные системы, давая рождение авторитарной власти?» (Interview de F. Farrugia avec A. Touraine // Farrugia F. La reconstruction de la sociologie française (1945–1965). Paris, 2000. P. 273).

¹⁷⁶ Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde... P. 12.

¹⁷⁷ Термин, который Гурвич использует для характеристики своей позиции в годы революции (письмо Г. Гурвича Р. Кёнигу от 4 ноября 1963 г.).

¹⁷⁸ Gurvitch G. La vocation de la sociologie française est de produire une jonction entre la sociologie théorique et la recherche empirique... P. 67.

¹⁷⁹ Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde... P. 6.

¹⁸⁰ В другом месте Гурвич, отвечая на вопрос Ж. Дювиньо о наличии связи между формированием принципов его социологической теории и революционными событиями

Эти принципы легко обнаруживаются в работах и идеях зрелого периода. Идея социального права, федералистический идеал демократического устройства, многоуровневая концепция социального бытия, теория форм социальности и многие другие достижения мысли Гурвича связаны с пережитыми в России революционными событиями. Один из учеников Гурвича Рене Тулемон отмечает, что его наставник «сохранял некоторую ностальгию по тем годам, когда его демократический и социалистический идеалы были так близки к осуществлению, а пережитые потрясения стали неоценимым источником для наблюдений, из которых зародились первые проекты его социологической теории»¹⁸¹. Однако проектам Гурвича суждено было реализоваться уже не в России, мыслителю же пришлось искать способы выражения этого опыта в научных сообществах сначала Германии, а затем Франции.

1917 г. в России, подчеркивает, что «такая связь очевидна! Мои конкретные социологические наблюдения были сделаны на собственном жизненном опыте — констатация очевидных противоречий между различными социальными группами и уровнями социальной действительности в тот момент, когда социальная структура всего общества — царизм — была разрушена, а новая социальная структура Советской России только еще формировалась» (*Duvignaud J. L'oublié ou la chute des corps*. P. 24).

¹⁸¹ *Toulemont R. Sociologie et pluralisme dialectique: Introduction à l'oeuvre de Georges Gurvitch*. P. 7.